

Даниил Яценко

Двенадцатый

Летописи миров — 1

Даниил Ященко

Двенадцатый. Летописи миров – 1

«Издательские решения»

Яценко Д. В.

Двенадцатый. Летописи миров – 1 / Д. В. Яценко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504018-3

Летописи миров — масштабный фэнтезийный цикл, как обычно, посвященный борьбе Тьмы и Света. Вас ожидают могучие герои, великие маги и божественные сущности, которые, руками смертных, решают свои конфликты. Двенадцатый — первая книга цикла. В ней показана история одного из ключевых героев цикла от бродяги-изгнанника до героя и спасителя миров.

ISBN 978-5-00-504018-3

© Яценко Д. В.
© Издательские решения

Содержание

Летописи миров том I	6
Часть I: Найтари	7
1	7
Интермеццо 1. Ночь плача	9
2	11
3	14
Интермеццо 2. Кровавый рассвет	15
4	18
5	20
Интермеццо 3. Пророчество	22
6	23
7	28
8	31
9	33
10	37
11	39
Интермеццо 5. Тьма сгущается	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Двенадцатый Летописи миров – 1

Даниил Викторович Яценко

© Даниил Викторович Яценко, 2019

ISBN 978-5-0050-4018-3 (т. 1)

ISBN 978-5-0050-4019-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Летописи миров том I Двенадцатый

Часть I: Найтари

1

Городок, вернее, большая деревня, стоял в нескольких лигах от тракта, соединяющего Великую империю на востоке и разрозненные княжества на западе. Сколько горожане себя помнили, в местном трактире (а деревня была такой большой, что могла похвастаться наличием своего трактира) отродясь не появлялось ни одного нового лица. И когда в общую залу вошел человек в заляпанной грязью некогда черной накидке и высоких сапогах, до голенища измазанных глиной, к нему были прикованы все взгляды. Однако странник всех разочаровал: бросил заплечный мешок с нехитрыми пожитками на дальний стол и жестом заказал эль. Любые попытки начать разговор наталкивались на глухую стену, не пробиваемую, кажется, даже огненными шарами, делаемыми в Великой империи.

– Вот ща выпьет и начнет говорить, – предположил староста, – Гори, а ты не видел, он откуда пришел?

– Со стороны тракта пешком еще до захода солнца. Потом исчез, – ответил привратник.

Никто не обратил внимания, что двое сравнительно недавно поселившихся в деревне южан, при этих словах многозначительно переглянулись и начали буравить пришельца еще более пристальными, чем остальные, взглядами.

Странник, между тем, молча допил пиво, расплатился и вышел. Пара южан последовала за ним через несколько секунд. Они нагнали молчуна на углу таверны. Один схватил его сзади за конец накидки и дернул, чтоб остановить, но встретился с четырнадцатью дюймами стали около собственного горла. Его товарищ схватился за рукоять большого охотничьего ножа, но передумал, встретившись взглядом с блеснувшими под капюшоном изумрудно-зелеными глазами чужака.

– Э, э, э, ты! Это что еще за новости, а?! – это Гори вовремя вышел из таверны, чтоб вернуться на свой пост. Признаться, ему сейчас стало просто до невозможности досадно за оставленный в привратничкой выдавший виды бердыш.

Путник отрицательно покачал головой, словно говоря: «все в порядке, я не причем», и убрал кинжал в скрытые за плащом ножны. Потом развернулся и зашагал, куда шел – по каким-то одному ему известным делам. Гори же приблизился к южанам со словами: «Да что ж вы с бродягой-то схлестнулись, так мать и разэдак?» и упал, выплевывая кровь. Это нож все-таки вонзился в тело. Правда, не в то, которое предполагалось.

– Седлай коней, а я уберу труп. Если это ОН, мы должны его поймать. Дай знать остальным нашим в округе.

– Думаешь, ОНА тоже здесь?

– Это не наша проблема. Принцессой займутся другие, а нам нужна ЕГО кровь.

А загадочный путник уже выходил из городка. Одинокая фигура пересекла главную улицу, выбралась за ворота и вот-вот свернула бы на торную дорогу, и ничего бы не произошло: неизвестный человек так и остался бы свободным скитальцем, перебивающимся случайными заработками, уже через пару-тройку лиг забывшим о недоразумении в одном из многочисленных и похожих, ровно капли утренней росы, городишек. Но судьба никогда не дает человеку самому выбирать и следовать своей дорогой. Каждого она толкает на что-либо переворачивающее уютный индивидуальный мирок с ног на голову. Так произошло и с этим бродягой. Едва поравнявшись с местом, где защищавший город частокол образовывал своеобразный альков, встречаясь с рощей, он заметил какое-то шевеление, словно шайка романтиков большой дороги потрошила добычу.

Странник, еще не поздно. Отверни взор, предоставь случаю самому решить дело, не бросайся туда, не выскакивай на освещенный масляным светильником пяточок перед альковом...

Но фортуне было угодно, чтоб человек поступил в точности, да наоборот. Там, в относительной темноте три темные фигуры методично и деловито пинали скорчившуюся на земле четвертую. Заметив чужого, один из трех поднял свою дубину и бросился на незваного гостя. Хлопнула плотная ткань, лязгнул освобождаемый из плена кожаных ножен металл, что-то два раза чиркнуло и разбойник грудой осел на покрытую палой листвой землю. Вновь мелькнула тень, кинжал блеснул под попавшим лучом лампы, кто-то коротко всхлипнул. И вот все. Три грабителя лежали на земле. Двое мертвые, а третий готовился с минуты на минуту предстать перед судом Творца.

– *Ррогвардри трону, Салкандо*, – просипел умирающий и отошел.

Бродяга же просто развернулся и пошел к дороге, запачкав сапоги еще и кровью, даже не посмотрев, кого он спас. Но он вскоре совершил главнейшую ошибку в жизни – оглянулся, когда несостоявшаяся жертва ночных грабителей догнала спасителя. На свету выяснилось, что это была совсем еще юная девушка, едва перешагнувшая порог отрочества, миниатюрная, но уже красивая, даже не смотря на запачканное миловидное лицо и покрытые коркой из крови и глины локоны волос.

– Спасибо тебе, воин, – поблагодарила она и склонилась в изящном поклоне, – Позволь мне следовать за тобой и отплатить долг.

– Я не воин, и мне не нужны попутчики, – произнес бродяга. Это были его первые слова за несколько недель.

Он вновь зашагал по тропинке, не оглядываясь назад. Упорная девчужка шла за ним, отстав на несколько шагов. К полуночи они вышли на тракт, и странник стал устраиваться на ночлег прямо на обочине. Бросил мешок на кучу относительно сухих листьев под высоким деревом и наломал немного веток на костер, который разжигал с помощью огнива и трута тогда, когда подоспела его спутница.

– Снова ты. Я же сказал, мне не нужны попутчики.

– Пожалуйста, позволь мне остаться с тобой. Умоляю, воин.

Может, сработала красота девушки, которую не скрывали даже надетые на нее лохмотья, а может сердце одинокого скитальца смягчилось само по себе, никто не знает, но он бросил ей кусок солонины и флягу с водой.

– Кто ты и куда идешь?

– Называй меня... Тари. Иду, куда глаза глядят: хоть на восток, хоть на запад.

– Тари, это же эльфийское имя. Ты эльфка?

– Нет, то есть только наполовину. Моя мать была эльфийкой-рабыней, предназначавшейся в дар знатному дворянину, а отец простой солдат, сопровождавший рабов ко двору этого дворянина, – она замолкла, откусывая мясо и запивая его водой, а потом спросила спутника, – А ты кто?

– Меня зовут Канн-странник и это все, что тебе положено знать, – ответил бродяга и завалился на кучу листьев, положив под голову мешок. Девушка-полукровка же осталась сидеть перед догорающим костром, озираясь по сторонам и прислушиваясь к ночным шорохам, словно хороший солдат на часах.

Интермеццо 1. Ночь плача

По устланному мрамором коридору замка быстро идет, почти бежит, его хозяин в покрытых кровью и местами порванных доспехах, сжимая в руках испещренный багровыми пятнами отравленный меч Ночных эльфов. Его войска проигрывают битву с неизвестным им врагом, внезапно появившимся прошлой ночью на границах. Навстречу ему по коридорам бегут отряды воинов, лязгая металлом доспехов и оружия и выкрикивая несоответствующие истине заверения в победе. На лице каждого пробежавшего мимо воина Ун'Шаллах, признанный всеми кланами правитель народа Ночных эльфов, читает безысходность и обреченность. Вот он достиг цели – уютной горницы в глубине цитадели, охраняемую отрядом стражников, не эльфов, но людей-наемников с дальнего северо-запада.

– Милорд, – приветствует правителя старшина, но Ун'Шаллах отталкивает его с дороги и влетает в комнату. В стоящей посреди светлицы кровати под шелковым балдахином спит маленькая девочка. Судя по всему, ей не больше двух лет от роду.

Стражники смыкают копья, но, признав в ворвавшемся в покои эльфе отца ребенка пропускают того к колыбели. Правитель бросает на пол меч и подхватывает на руки спящую дочь, прижимая ее к окровавленному нагруднику.

– Найтари, – шепчет он, глядя заплакавшую девочку по волосам, – Найтари.

Второй рукой он срывает с шеи тонкую золотую цепочку, на которой висит медальон, сделанный из переливающегося всеми цветами радуги камня, и жестом подзывает к себе старшину человеческого отряда.

– Хэмпши, сохрани ее, заклинаю, сохрани. Возьми всех своих людей и уходи из замка через потайной ход. Я не могу пообещать тебе и другим воинам награду, ибо, что может дать король, чье королевство вот-вот будет разрушено, но я прошу, нет, умоляю тебя, не дай моему роду и моему народу исчезнуть.

В коридоре слышится звон металла о металл и предсмертные проклятья умирающих защитников замка. Старшина, по покрытому морщинами и шрамами лицу которого текут сентиментальные слезы, принимает ребенка и медальон из рук старого товарища.

– Я сохраню ее, Ун'Шаллах, во имя нашей долгой дружбы, – говорит он и объявляет своим подчиненным выход, – Да спасет тебя Творец, эльфийский царь.

Ун'Шаллах поднимает меч и бежит туда, где идет схватка. Он врывается в толпу врагов, сдерживаемую горсткой эльфов, и рубит их направо и налево. Во второй руке его появляется кастет, оканчивающийся длинными, словно кинжалы, когтями. Бой во дворце быстро заканчивается, благодаря вмешательству правителя, но сражение еще далеко от завершения. Уцелевшие выбегают на крепостной двор, где неприятель приканчивает выживших защитников крепости. Вокруг эльфийского царя растет гряда трупов, кажется, что он один может перебить всю вражескую армию, но в его плечо впивается арбалетный болт, по боку чиркает чей-то меч, пробив и без того порванную кирасу. На него летит всадник с опущенным для удара копьем. Зазубренный наконечник входит в тело Ун'Шаллаха чуть ниже груди. Он обрубаёт древко и выдергивает ранившего его всадника из седла, и приканчивает, снеся мечом голову, закрытую шлемом. Силы оставляют короля-воина и он падает на колени, вонзая меч в землю и опираясь на него. Вкруг собирается едва ли не вся оставшаяся неприятельская армия, но окровавленные губы гордого эльфа не просят пощады, они произносят проклятья, серые глаза смотрят решительно и твердо. В тесный круг протискиваются два всадника. Один рослый и облаченный в доспехи, но без шлема, а другой – низкорослый горбун в черной тунике и с закрытым маской лицом. Однако они оба рыжеволосы и преисполнены страшной силы, непонятной эльфу. Собравшись с силами, Ун'Шаллах поднимается с колен и произносит вызов на поединок. Горбун поднимает руку с переливающимся перстнем, но его брат удерживает его и сам спешива-

ется, обнажая меч. Клинки сталкиваются раз, другой, но силы не равны. Эльф бросает свой меч в горбуна, когтями парируя удар второго брата, от чего они ломаются. Клинок, однако, не долетает до цели и сгорает в воздухе. К ногам лошади падает бесполезный обломок. И тут страшный зубчатый меч-бастард настигает Ун'Шаллаха, и он падает. Горбун вновь поднимает руку и что-то кричит на незнакомом никому из присутствующих языке. Сложенный из гранитных плит замок рушится и погребает под собой своего хозяина, воздвигая ему поистине царское надгробье. То, что при этом придавило еще многих воинов, в том числе атакующих, ничуть не беспокоит ни горбуна, ни его брата. И далеко-далеко в ночи разносится их леденящий хохот, смешанный с плачем покоренного народа Ночных эльфов.

2

Едва восток окрасился алым, Канн пробудился. Наскоро позавтракав, бродяги продолжили путь в том же порядке, что и вчера ночью: Канн впереди, Тари на некотором расстоянии. Лишь во время привала на обед, она осмелилась нарушить тишину, так любимую ее спутником.

– Куда мы идем?

– На восток.

– Зачем?

– Я хочу кое-кого повидать.

Продолжая так же клещами вытаскивать информацию, Тари узнала, что идти им еще два дня до деревушки, где обосновалась одна из бесчисленных разбойничьих шаек, терроризировавших тракт, с которой Канн одно время грабил купеческие караваны.

По тракту они шли в полном одиночестве. Лишь раз за весь день вдали послышался перестук копыт, а через некоторое время их нагнал всадник. Он придержал лошадь, словно пытаясь как можно лучше разглядеть путников, потом вновь заторопился на восток. Канн заметил, что Тари сильно нервничала, пока всадник был рядом: она прятала лицо и жалась за спину мужчине. Позже девушка объяснила, что разбойники вчера напали на нее не в первый раз, и она очень боится незнакомцев, тем более таких подозрительных, как давешний конник. У ее спутника не было никаких причин не верить ей, и он предложил Тари просто сходить с дороги, как только они кого-либо услышат. Кем бы ни оказался так испугавший полуэльфку всадник, день и ночь прошли спокойно. Ближе к рассвету Канн проснулся и, увидев, что девушка так и не сомкнула глаз, предложил постоять на часах, пока та будет спать.

На следующий день, когда тени вновь начали удлиняться, они подошли к деревеньке, точно такой же, как та, из которой они вышли не так давно. Различие заключалось только в том, что над частоколом этой не полоскалось знамя барона или графа, которому местные жители платили дань. Привратник пропустил их без всяких вопросов, видимо, узнав Канна, хоть и долго смотрел вслед.

Город этот сразу же решительно не понравился Тари. Часто попадались люди, у которых на лице было написано, что держаться от них нужно подальше. Именно они здоровались с Канном, который отвечал им молчаливым кивком или взмахом руки. Часто прямо на улицах вспыхивали драки и совершалось насилие, но ее спутник просто обходил такие места, поэтому Тари не особо боялась. Лишь раз бродяге пришлось вытащить кинжал, чтоб пригрозить в стельку пьяному детине, вознамерившемуся завести Тари в ближайшие кусты. Так они дошли до вполне мирно смотревшегося двухэтажного просторного дома. Канн постучался, и двери открылись. На пороге возник абсолютно лысый здоровяк, покрытый татуировками.

– Никак молчун Канн пожаловал, – осклабился он, – Ну проходи, проходи, – И попытался пнуть постоянно молчащего путешественника под зад, когда они прошли в дом, на что Канн двинул лысому в глаз с такой силой, что свалил его на месте.

Тари и Канн вошли в залу, заставленную столами, за которыми пировала разбойничья шайка почти в полном составе. Мужчина средних лет с повязкой на глазу поднялся с кресла, продавленного его массивным задом, и проорал, размахивая кружкой с элем:

– Оба на, никак Канн зашел. Чего забыл ты в этом месте?

– Ты знаешь, Рага, зачем я здесь.

– Ага. Ну, ребяташки, понеслись.

Пировавшие разбойники повскакивали со своих мест и обступили девушку со спутником. Показались ножи и дубины, у двух-трех разбойников даже оказались при себе мечи. На лестнице послышались шаги, сопровождающиеся скрипом старых половиц, и в залу вошел

давешний конник, нагнавший путников на тракте. Тари вскрикнула и спряталась за мускулистую спину Канна.

– Это те, господин хороший? – спросил Рага, который был главарем шайки.

– Да, это те самые, – ответил всадник и бросил на стол увесистый мешочек, в котором звякнуло золото, – Вяжите их.

Рага осклабился, продемонстрировав кривые желтые зубы.

– Э, не. Давай еще столько же и получишь девку. А ты, Канн, уйди с дороги.

Вместо того, чтобы швырнуть на стол еще мешочек с деньгами, богато одетый всадник (который, правда, всадником уже не являлся) выхватил висящую у бедра тонкую шпагу и ткнул ей точно в зрячий глаз предводителю разбойничьей шайки. Жало клинка выглянуло из бритого затылка. Остальные застыли ненадолго, но как только тело Раги хлопнуло по деревянному полу, набросились на всех троих. Оказавшийся хорошим фехтовальщиком, всадник сходу уложил троих, еще двух заколол кинжалом Канн, дав тем самым Тари время заползти под стол и там спрятаться. В зале началась настоящая свалка. Разбойников было намного больше, но явно знатный человек со шпагой сражался просто отлично, да и подобранный вдобавок к своему кинжалу меч бродяга немногим ему уступал. В конце концов, последний разбойник был пронзен кончиком тонкого клинка, и Канну пришлось сражаться уже со своим недавним союзником, внезапно напавшим на него.

Нанося и отражая удары, противники кружили по зале. Даже не искусенной в фехтовании Тари было видно, что в этой схватке Канну навряд ли победить, даже несмотря на то, что он сражался двумя клинками и устал меньше во время драки с разбойниками. Дворянин владел своим оружием просто мастерски. Накидка бродяги уже окрасилась кровью в нескольких местах, в то время, как черный щегольской костюм неизвестного бойца оставался незапятнанным. От серьезных ран Канна пока спасало то, что он непрерывно отступал, практически не нанося контрударов. Противник свободного странника быстро разгадал траекторию движения и постепенно загонял спутника полуэльфийки к стене, где пригвоздил бы его словно бабочку своей тонкой, но смертельно опасной шпагой. Однако Канн не пытался сдаться или пойти на сделку – он храбро сражался, хоть и понимал тщетность усилий.

– Уходи, – бросил он одними губами, на миг открываясь, чем и воспользовался дворянин. Клинок шпаги блеснул в молниеносном выпаде и вошел в бедро Канна чуть ли ни на четверть дюйма.

Тари поняла, что обязана предпринять хоть что-то, но что? Фехтовать она не умела, но все-таки подняла с пола длинный кинжал. Тут в нее словно вселился демон, жаждущий крови: лицо девушки, прорезала хищная ухмылка, ясные глаза затуманились и как будто стали темнее. Она взвилась в воздух и, перекувыркнувшись через стол, атаковала противника уже приготовившегося к смерти Канна. Тот парировал удар и отскочил на длину шпаги, но недостаточно быстро – кинжал прочертил на его камзоле длинную алую борозду.

– *Трону, Салкандо*, – вскричал он и рубанул шпагой, но заточенный клинок встретил только воздух. Кинжал девушки зацепился за эфес, момент, и оружие врага взмыло вверх и оказалось в левой руке Тари. Два стальных вихря проблестели перед глазами Канна, и незнакомый дворянин оказался на коленях – эльфка перерубила сухожилия на обеих ногах. Вновь короткий взблеск, и оба клинка торчат в основании шеи незнакомца, перерезав, по пути, важные жилы. С секунду Тари подержала его в таком положении, а потом, толкнув труп сапогом, высвободила оружие.

Опытный в подобных делах Канн просто не поверил своим глазам: как смогла девчушка, которую еще пару дней назад измочалили грабители с большой дороги, так лихо расправиться с поистине превосходным бойцом, с мастером фехтования (дворянин действительно обучал королевскую стражу бою на мечех)? Еще больше он опешил, когда облик Тари стал прежним и она, выронив клинки, опустила на пол и заплакала. Канн просто не знал, что сказать (он

становился свидетелем женских слез, да и слез вообще, если быть точным, в первый раз за всю жизнь), поэтому он просто подобрал себе второй меч, придирчиво выбирая из двух возможных вариантов и, как мерзко бы это не звучало, занимался мародерством.

Всхлипы прекратились. Канн повернулся к девушке и с самой дружелюбной улыбкой, на которую только был способен, произнес:

– Лихо ты его порубала. Почему не сказала, что умеешь так биться?

– Клянусь кровью рода, – Канн насторожился, услышав самую страшную клятву народа Ночных эльфов, – Я даже не знала... и не знаю с какой стороны за меч братья. На меня что-то нашло...

«-А ты, подруга, не так-то и проста, – подумал бродяга. – Я тебя выведу на чистую воду», – а вслух сказал, – Верю. Пойди, поищи себе какой-либо приличной одежки, а я поесть сготовлю, коль не побрезгуешь рядом с мертвяками обедать.

Тари скрылась на верхнем этаже дома, а Канн пока наскоро стаскал трупы в соседнюю комнату, обыскал тело загадочного бойца и сготовил, как и обещал, обед. Как раз тогда, когда он управился, спустилась Тари. Теперь вместо нищенских лохмотьев на ней был темно-зеленый охотничий костюм, правда, без драгоценностей, а то бы она была вылитая аристократка, выехавшая поохотиться, волосы вымыты и причесаны. Канн сглотнул подступившую слюну и поспешил отвернуться, слишком уж плотно обтягивал костюм ладную фигурку девушки.

– Плащом прикройся, – буркнул он, – и шпагу прицепи вот сюда, на пояс, где петелька. Поучу тебя ею пользоваться, коль и вправду не умеешь.

За скромным обедом из остатков разбойничьей трапезы, Канн, преодолев свою природную молчаливость и замкнутость, выпрашивал Тари о ее родственниках и прошлом. Кроме уже имеющейся информации узнать удалось не много. Мать свою она не знала и воспитывалась одним отцом – престарелым солдатом – как-то раз староста деревни почти у рубежей Великой империи, где обитало семейство сообщил, что надвигается отряд неизвестных всадников и попросил на всякий случай потренировать деревенских мужиков. В тот день отец передал Тари небольшой сверточек, запечатанный сургучом, и приказал показать его барону Гарроту, если с ним что-либо случится. Через неделю деревню сожгли, и семнадцатилетняя Тари отправилась искать неизвестно где замок барона Гаррота. Бессчетное количество раз она сбивалась с дороги и попадала в различные переделки, из которых выходила либо по счастливой случайности, либо благодаря чьему-либо вмешательству. Так за почти три года она добралась до городка, где и встретила с Канном.

Заинтригованный путешественник предложил девушке пойти к барону сейчас, благо, что владения его начинались в нескольких днях пути на юг отсюда. Сказано – сделано, и маленький отряд вышел по южной дороге и углубился в лесок, чтоб срезать крюк. Как стало известно потом, этот маневр спас им жизни, ибо почти сразу за ними по южной дороге выехало полтора десятка всадников при оружии, но без доспехов, и в богатой одежде.

3

К концу недели изрядно потрепанные и зверски усталые Тари и Канн вышли на тщательно ухоженную лужайку, на которой возвышался четырехэтажный особняк, защищаемый только глубоким, но узким ручьем и стенами, доходящими до второго этажа. Подобная небрежность в обороне вызвала негодование Канна, успевшего, в свое время, еще и послужить в королевской армии простым копейщиком.

На стук молоточка в гонг у широких, окованных железными полосами, ворот выглянул заспанный гвардеец и, отравляя воздух ароматом прогорклого эля, буркнул:

– Убирайся, милостыню не подаем, – на него произвела впечатление изорванная накидка Канна, но, увидев не менее потрепанный, однако явно дорогой костюм Тари вкупе с пристегнутой к бедру шпагой, с которой она ежедневно упражнялась под руководством молчаливого спутника, приосанился и соизволил пропустить незваных гостей в дом.

Их провели в роскошную гостиную и попросили обождать. Канн плюхнулся на диван, не обращая внимания на то, что пачкает обивку, и потянулся к непечатой бутылке вина из Южного предела.

– Кислятина, – вынес он вердикт, отведав дорогущего напитка, предварительно отбив кулаком горлышко бутылки.

Тари же, будто изваяние мифической красавицы, застыла у окна, изучая голубой горизонт.

Вскоре появился и сам хозяин дома – пожилой аристократ барон Гаррот. С первого взгляда на него любому становилось ясно – в жилах этого старца течет поистине голубая кровь. Даже с возрастом черты лица его не стали глаже, тело не потеряло былой силы и сноровки. А вот внук, на руку которого опирался барон, производил совсем другое впечатление: ровесник Тари, утонченный щеголь, чья рука привыкла к изящным хрустальным ножкам бокалов и страшится грубости меча.

– Молодой человек, – начал старый барон, но заметил Тари, высвободился от опеки внука и пересек комнату, словно двадцатилетний юноша, – Найтари, *elfallen regna, weirdrunn*, – и склонился перед полуэльфкой в почтительном поклоне, ровно перед особой королевской крови. Молодой барон, в это время, беззастенчиво пялился на девушку. Канн хотел разбить о его голову бутылку за это, хотя и сам не понимал, почему, но баронет вовремя обернулся на бродягу.

– Фу, дед, что ЭТО делает здесь.

– *Ellora se trenfarso joi Garret, regna, torkchensi myuth.*

По-прежнему ничего не понимая, Канн решил взять ситуацию в свои руки:

– Меня зовут Канн, я спас ее...

– Тогда честь тебе, хвала и неисчислимые сокровища в награду, – прервал его барон.

– Дед, что происходит, – вмешался молодой.

– Помнишь, я рассказывал тебе про величайшего воина и могущественного короля Ночных эльфов Ун'Шаллаха? Это его дочь.

Совсем очумевший Канн ляпнул, что Ун'Шаллах никакой не герой и не король, а простой солдат, погибший в маленькой деревушке, на что барон рассмеялся:

– Здесь нет полукровок. Перед тобой чистокровная эльфийка Найтари Эльфарран.

Все трое сели, причем при последних словах старика глаза молодого алчно блеснули. Барон налил себе вина и завел рассказ...

Интермеццо 2. Кровавый рассвет

По пыльной дороге скачет армия. Пыль всюду: она забивается под забрала рыцарей, покрывает сверкающую броню, опутывает копыта боевых коней. Люди спешат на юг. Бьет последний час, еще чуть-чуть, и они опоздали. Предводитель с султаном алых перьев на шлеме, поверх которого одета баронская корона, торопит коня. Бока благородного животного кровоточат, но человека это не останавливает. Он смотрит на лениво встающее солнце и кричит своим воинам:

– Кровавый рассвет. Спешим, спешим, иначе они пропали.

Сотни коней хрипят под ударами шпор, но все тщетно. Перед бароном открывается выжженная дотла равнина. Кое-где уцелели хижины, порой по обочинам дороги видны высокие, прекрасные силуэты, застывшие в плаче над павшими близкими. Что бы здесь не случилось, барон знает – он опоздал, он частично виновен в том, что жители некогда дивной страны в одну ночь лишились крова, множество мужчин погибло, а другие полонены. Лишь немногие приветствуют теперь сорокалетнего барона Гаррота, спешащего на бой, но попадающего на похороны.

Вот видны знакомые места. Сотни раз Гаррот охотился в этом лесу, тысячи раз прогуливался в компании старого друга по этим полям... Но где, же замок? Белоснежные башни не попирают небосвод.

Барон останавливает коня. С пригорка, на котором стоит войско, видна долина, кромка леса, скала, но вместо белоснежных башен там груда камня. Жестом правитель приказывает войнам скакать вглубь страны, а сам вместе с сыном спускается вниз.

Перед самыми развалинами смиренно стоит каурый конь, а всадник, низкорослый горбун, воздел руки на вершине кучи камня и что-то шепчет. Гаррот натягивает поводья и берется за меч.

– Кто повинен в этом? Где наш давний друг и союзник король Ун'Шаллах Эльфарран?

Ответом ему служит смех горбуна.

– Эльфы мертвы, – скрежещет он, и с пальцев его срывается ослепительный зигзаг молнии.

Барон теряет способность видеть, а его сын падает с развороченными на груди доспехами. Когда Гаррот обретает вновь способность видеть, горбуна уже нет, только лошадь щиплет чудом уцелевшую траву на клумбе.

Правитель вскакивает в седло и спешит вдогонку за своими войсками. И гонит коня он не зря – баронские тяжеловооруженные конники настигли в большинстве своем пешую армию, спалившую Дракмор, страну Ночных эльфов и сейчас рубятся с ними, мстя за добрых соседей и давних друзей. Отряд за отрядом стелется под сияющими на утреннем солнце пиками латников, полк за полком попадают в окружение и выпускают из рук мечи.

Барон поспеивает к самой кульминации боя, когда его войны сходятся с личной охраной вражеского генерала.

– Брат живым, – кричит Гаррот и опускает на лицо забрало.

Избранная полусотня ничего не может противопоставить воинам барона, и друг за другом вражеские бойцы погибают. Остается один генерал, но сдаваться он не собирается. Статный мужчина в плаще, отороченном совиными перьями, спрыгивает с коня и вынимает прихваченный к седлу двуручный меч.

– Человек, я вызываю тебя, – кричит он барону, заметно присвистывая.

Гаррот спешивается, обнажает клинок. Звенит сталь. Долго длится поединок, храбро сражаются воины, но никто не может одержать верх. Тени укорачиваются, солнце подходит к полу-

дню. И вот генерал лежит на земле, его меч сломан, а барон из последних сил ставит ногу на грудь поверженного противника и приставляет кинжал к прорези шлема.

– Сдаюсь, – свистит побежденный, – Выкупаю жизнь

– Чем? – спрашивает барон.

Тот отвечает, и Гаррот, как ни смертельно устал он, приказывает построение и поход...

– Что ответил генерал? – полюбопытствовал Канн.

– Дочь короля, принцесса Найтари, избежала смерти и исчезла вместе со своей охраной. Я долго искал девочку. Мои люди изъездили земли от Западного моря до диких островов восточнее Великой империи. Но на след напасть мы смогли только лет через 15. Такой опытный и осторожный был Хэмпши, старшина гвардии Найтари. К сожалению, сторонники горбуна тоже нашли их, причем, раньше нас. Остальное Тари расскажет тебе сама, если уже не рассказала.

– Эти люди, которые преследуют Тари, кто они и что им надо?

– Сторонники горбуна. Точнее сказать не могу. Слишком мало мы о них смогли узнать.

– *Ррогвардри трону, Салкандо, трону, Салкандо*, – произнес Канн, стараясь как можно точнее скопировать говор. Не брось он при этом случайный взгляд на юного барона, то не заметил бы, как тот сошел с лица, но быстро справился с чувствами. О недавнем волнении напоминали только чересчур сильно сжимающие ножку бокала пальцы.

– Да, – подтвердил Гаррот-старший, – Горбуна зовут Салкандо. И это все, что о нем известно, кроме того, что он чародей и притом сильный.

Канн и Тари жили в доме барона Гаррота с его согласия и любезного приглашения. Девушку понять можно: не каждый день юные сироты узнают, что они дети могущественных королей-героев, убитых злым магом. Она подолгу говорила со старым бароном наедине, не рассказывая даже Канну, к которому вполне искренне привязалась, ничего из этих бесед. Так же она училась фехтованию под руководством лучших бойцов баронства и делала определенные успехи, правда, довольно скромные, по мнению Канна и поразительные, по словам ее учителей.

Сам он тоже не терял времени даром, а тренировался вместе с телохранителями барона. Почему он до сих пор не покинул гостеприимный дом, было загадкой даже для него.

Крупные бриллианты звезд сверкали над головой одинокого воина в ночном небе, не омрачаемом ни единым облачком. Легкий ветер трепал накидку и доносил запах реки.

Почему ты остался, Канн? Ты ценишь свободу более всего, тебе милы бескрайние просторы, леса и поля, так зачем тебе задыхаться в душной роскоши дворянского поместья. Ты чего-то ждешь? Да, ждешь, пока Тари достаточно подготовится, но зачем? Кто она тебе, странник? Приблудная девчушка, вдруг оказавшаяся эльфийской царевной. Что-то колет, словно нанесенная тончайшим клинком рана, прямо в сердце. Такого еще не было. Но зачем тебе это?

Звездочка на небосводе мигнула раз-другой и сорвалась со своего места.

«-Желаю разобраться, понять и...и добиться, – мысленно загадал Канн. – Принцесса Найтари вскоре совершит поход в свои земли, и я буду сопровождать ее. Я сам это выбрал. Но не совершил ли я ошибки, не придется ли мне расплачиваться за свою несдержанность. Да и мое ли это дело? Я проводил девчонку Тари, спас ей жизнь, но и она спасла меня. Тогда не пора ли мне в путь? – спрашивал он, и сам же отвечал, – Нет, будь то, что будет, но я не отступлю, пойду до конца».

Послышались легкие шаги, на верхнюю террасу выбрался внук барона Гаррота.

«-Щенок что-то замышляет. И явно что-то относительно Тари, в смысле, принцессы Найтари. Он заволновался, когда я произнес это непонятное *Ррогвардри трону, Салкандо, трону, Салкандо*. Стало быть, он как-то замешан в деле. Он, а не старый барон. И еще, почему у меня было желание придушить его, когда он едва не раздевал глазами принцессу?»

– Мне сказали, ты здесь. Нам надо переговорить, – бросил юноша.

– Молодой барон не нуждается в разрешении в своем доме.

Тот подошел ближе и словно случайно положил руку на рукоять клинка, не положенного дворянам по придворному этикету украшенного драгоценностями тупого кинжала, но превосходной боевой даги, способной потягаться с мечом.

– Хочу предложить тебе сделку, – проворковал он, – Тебе, бродяга, все равно плевать на дворцовые интрижки. Ты знать не знаешь никакого Дракмора, и тебя никоим образом не волнует, кто в сей стране правит: марионетка какого-то там колдуна или дочка Эльфаррана. Не говори ничего, я и без этого знаю, что не ошибся. Так вот, я предлагаю тебе вот это, – в руках скользкого, будто уж, юноши появился весьма увесистый мешочек, – Здесь золото и камни на такую сумму, что все твои знакомые бродяги умрут обеспеченными людьми. За это тебе надо сделать самую малость, то, о чем ты и так задумываешься – уйти прочь и забыть про дочурку эльфийского царька, о котором ты слыхом не слыхивал. Подумай, что тебе светит? Ничего. Да, дивчина красивая, но ты что, не найдешь другую деваху, чтоб ей под юбку залезть...

Договорить он не успел. Канн одной рукой выбил из ладони молодого Гаррота мешочек, а второй от души съездил ему по физиономии. Тот не растерялся и выхватил кинжал-дагу, бродяга откинул накидку и положил ладони на рукояти парных сабель, висевших у него за спиной в дополнение верному ножу и вместо разбойничьих мечей. Барон враз оценил, что ему однозначно не выстоять против хорошего обоиручного фехтовальщика и отскочил подальше.

– Ты заплатишь за каждую каплю моей крови, что окропила землю, бродяга, заплатишь кувшином своей. Не сейчас, но это будет, – прошипел трус и поспешил ретироваться, уворачиваясь от доброго пинка.

Канн вернулся к разглядыванию звездного неба, даже не подозревая, что секунду назад Судьба предоставила ему еще один шанс остаться на привычном жизненном пути. Берегись, неведомый воин, именующий себя Канном, ибо никому из смертных или живущих в твоём мире бессмертных не ведомо, куда может завести тебя дорога, которую ты только что избрал. Ты станешь вельможей, блистательным полководцем сияющего в звездном свете государства, или погибнешь в безвестности в недостойной песен миннезингеров битве посреди выжженных равнин. Берегись, Канн, берегись.

4

Примечательно то, что молчаливый странник Канн и девчонка, до недавнего времени не подозревавшая, что она дочь правителя эльфийского царства смотрели в одно и то же время на одну и ту же падающую звезду. Правда, мужчина делал это на открытой террасе, а Найтари – из окна отведенных ей роскошных покоев. Она, однако, никаких желаний не загадывала, поскольку ее занимала беседа с устроившимся в глубоком кресле хозяином поместья.

– Мои войны регулярно тревожат рубежи Дракмора и совершают набеги вглубь страны. Естественно аккуратно и целенаправленно, я ведь не собираюсь рушить, начавшее восстанавливаться, хозяйство. На троне там сидит марионетка, только и могущая, что собирать подати с народа. Войск у него мало. С каждым днем мои всадники все ближе и ближе подходят к противоположным границам. Но вот столица, точнее, то, что от нее осталось, охраняется так, что будь здоров. Я предлагаю, как только ты будешь готова выступить, я дам тебе крыло тяжелой конницы и, скажем, полусотню копейщиков и столько же лучников, на всякий случай. С таким войском ты безо всякого труда отвоюешь Дракмор и подойдешь к столице. Как только это будет сделано, я закончу осаду города вместо тебя.

– Спасибо, барон Гаррот. Я даже не знаю, как благодарить вас. Вы так много делаете для меня...

– В том то и дело, Найтари, – перебил нобиль, – Я много делаю. А тебе, похоже, царский венец совсем не нужен. Я, конечно, понимаю, непросто прожить два десятка лет простой полукровкой, а потом узнать, что ты родная дочь эльфийского короля-героя и его законной жены и наследница разоренной страны. Но ты принцесса уже почти месяц. Прости, я неудачно выразил свою мысль... Хотя, забудь об этих фразах, я просто... забыл с кем говорю. Что ты действительно пришла сюда простой девчушкой и превратилась в королеву.

– Все ваши наставления не пропадают зря, барон, – заверила старика Найтари.

– Надеюсь. Я хотел поговорить еще об одном. О твоём спутнике, Канне. Лично я в нём уверен, он кажется хорошим человеком, хоть и скрытным сверх всякой меры. Но я не понимаю мотивы его поступков. Любой другой на его месте взял бы земли, должности, деньги, женщин на худой конец. А этот попросил хорошую кольчугу да пару сабель, вкуче с твоим разрешением сопровождать тебя и дальше.

– Если он кажется вам верным, то ни все ли равно, что движет Канном. Может, он действительно жаждет земли, деньги и титулы. Только не в том объеме, что ему может дать богатый **нобиль**, а от **королевы**. Мне, раз уж мы о нем заговорили, кажется порою, что он сам не просто человек. Эльфы ведь могут чувствовать такие вещи.

– Ты имеешь в виду его будущее?

– Нет, настоящее. Как будто Канн не тот за кого себя выдает. Не свободный бродяга, а кто-то еще. Причем прекрасно об этом знает.

– Тебе это кажется, – рассмеялся барон и налил себе родниковой воды в кубок, – Тогда прости, Найтари, я больший эльф, чем ты. Я хоть точно знаю, что наш, вернее, твой, суровый и молчаливый друг, чуть что хватющийся за саблю, не человек, а полукровка. В его жилах как минимум половина крови эльфийская. Правда, я не знаю, из Ночных он или Лесных, *мэллорианнор*, да и вспыльчивость у него чуть ли не орочья. Даже твои гордые сородичи, каждую улыбку принимающие за кровное оскорбление, не норовят перерезать горло солдату, задевшему их в столовой.

– Простите, ваше превосходительство, но откуда вы знаете? – удивилась эльфийка.

– Ты что, не видела его без капюшона? Тогда посмотри. Ушки у него хоть и не такие остренькие, как у тебя, но достаточно заметные. Да и где ты видела человека с агатово-черными волосами? Таких у нас в природе не бывает... Ладно, пойду я. Доброй ночи, принцесса.

А насчет Канна, хотите – берите его в начальники личной охраны, или назначьте его *наш'хае-ром*, когда у вас снова появятся войска.

После ухода барона, эльфийка еще долго простояла у раскрытого окна, вдыхая свежие ночные запахи. Из окна как раз открывался вид на террасу, с которой любовался звездами Канн. И, если приглядеться повнимательнее, можно было различить высокую фигуру, закутанную в черную накидку с капюшоном, задрвшую голову к небесной сфере.

Царевна резко развернулась, едва не загасив свечи, и скорым шагом вышла из покоев. Как тихо она не старалась ступать по террасе, Канн услышал ее.

– Ваше величество, – приветствовал он, чуть наклонив голову. – Что привело вас сюда ночью?

– Не спится, Канн. Ответь на вопрос, и я сразу же уйду. Я не хочу и не могу приказать, так что прошу твоего согласия, – знаком согласия послужил кивок, – Почему ты вызвался пойти со мной?

Глаза воина закрылись – он не знал, что сказать.

– Моя королева... Найтари, – исправился он, – Я решил последовать за вами и разделить с ва... тобой все опасности предприятия потому, что я...

Фразу прервала свистнувшая в воздухе стрела, пущенная явно с внешней стороны защитных сооружений. Длинное древко злобно задрожало в руке воина, хотя принцессу и Канна разделяло несколько шагов, а стрела летела прямо в нее. Следом за первой в воздух взвилось еще с полдесятка. Бывший бродяга оттолкнул эльфийку с линии огня, но не рассчитал силы, и Найтари упала на террасу, что и спасло ей жизнь, поскольку одна из стрел впиалась в бортик как раз там, где должна была стоять будущая королева. Остальные стрелы встретили яркие взблески стали в свете одинокого и далекого факела. Одна, другая, третья разрубались взмахом сабель на две-три части. Но четвертая стрела оказалась коварной, вместо того, чтоб лететь туда же, куда и ее товарки, резко повернула в воздухе и устремилась к распростертой на полу девушке. Все ближе и ближе хищный стальной оголовок подбирается к ее сердцу. Еще секунда, и он вонзится в плоть... Лязг, грохот падающего железа, приглушенное ругательство. Найтари открыла глаза: четвертая стрела досталась Канну. Он перелетел отделяющие их шаги и принял последний снаряд себе на защищенную спрятанной под одеждой кольчугой, полученной, как и сабли, в дар от барона Гаррота.

– Принцесса, бежим, – поднявшись крикнул он, и вздернул девушку, словно куклу, за руку, – Вперед, – и подтолкнул в указанном направлении. Сам воин держался позади, прикрывая Найтари собственным телом. Однако залпов больше не последовало. Внизу замелькали факелы, заржали кони, послышался удаляющийся стук копыт – это стража запоздало среагировала и бросилась ловить убийцу.

По просьбе царевны, Канн всю ночь просидел в ее покоях не смыкая глаз. В баронских часовых она разуверилась.

Утром старший Гаррот, будто ураган ворвался в девичью спальню, держа в руке холщовый мешок.

– Мы поймали убийцу! А это что, кровь, откуда? Стража, Канн, почему половина ковра и одежда принцессы запачканы кровью? Это...

– Это моя кровь, – спокойно ответил полукровка и откинул капюшон. На лице его и правда были кровавые дорожки от выступившей из мельчайших сосудов алой влаги. С правой руки война даже сейчас капало, – Это от напряжения. Мне вчера пришлось саблей рубать стрелы в полете, иначе царевны бы сейчас не было, – сказал и рухнул без чувств от потери крови.

5

Канна выхаживали лучшие лекари со всего баронства. Наверное, первый раз за всю историю мироздания простой бродяга удостоился помощи целителей, которые не по карману многим даже богатым простолюдинам. Их усилия, правда, были не так уж и нужны. Воин отлежался и спокойно встал с кровати, которая, по предсказаниям пользовавших его медикусов, вскоре должна превратиться в смертный одр. Барон же ничуть этому явлению не удивился, только многозначительно глянул на Найтари, мол «я же говорил, что он не простой смертный».

После дни потекли по старому распорядку – упражнения с оружием, обучение Найтари родному эльфийскому языку, занявшее всего неделю, тогда как многим людям не хватает на это десятилетий.

Так закончилась осень с ее дождями, наступила зима, принесшая умеренные морозы и совсем не характерную для юга вещь – снег. Он, правда, таял еще в аэре, падая оземь обычным дождем, да и прошел всего раза три-четыре.

Ближе к середине северного месяца вьюг, Найтари объявила, что она готова предстать перед своим народом и вернуть королевство Дракмор законным владыкам.

Гаррот-старший, как и обещал, дал войско, но прежде, чем небольшая армия смогла выступить, Гаррот-младший показал истинное лицо.

Барон, Найтари и Канн заперлись в комнате для совещаний – гостеприимный хозяин какой уже раз давал наставления относительно ведения кампании. Вдруг за дверью послышалась какая-то возня, вроде как раздался приглушенный стон, будто кого-то ударили ножом в живот, но при этом не слишком плотно зажали жертве рот. Дубовые створки сотряс удар другой, и засовы просто вылетели. Не успели заседавшие даже подняться из-за стола, внутрь ввалился весь закованный в железо Гаррот-младший, да не один, а в сопровождении странных людей, закутанных по самые глаза и пары знатных нобилей, приехавших накануне в гости к юному барону.

– Что за черт, – рявкнул его дед, – Потрудись объяснить, что все это значит?

Вместо желаемых объяснений, один из спутников молодого крысеныша метнул короткий пилум. Канн потянулся за саблями, но слегка опоздал, еще не до конца оправившись после болезни. Но барон справился сам – поймал дрот на лету и запустил обратно, правда, тоже безрезультатно.

– Ассасины Ордена Крови. Хороший выбор, внук, но ты недооценил дедушку.

Зазвенели обнажаемые клинки, причем юноша и аристократы не шелохнулись. Убийцы бросились в атаку, красивыми пируэтами преодолевая футы расстояния и перелетая через стоящий посреди комнаты стол. Одного Канн встретил железным вихрем своих кривых сабель прямо в воздухе. Брызнула кровь. Приземлившись на столешницу и собравшемся сбоку перерезать горло воину перерубил ноги старый барон, еще одного заколол точным выпадом Найтари. Однако адепты Ордена Крови давили числом, и предполагаемым жертвам приходилось отступать, отступать медленно и, приканчивая нападавших, но отходить. На их счастье, убийц было не так уж и много. Последнего ассасина Канн оставил без головы, когда до стены оставалось шагов пять. Из-за опущенного забрала не было видно лица молодого барона, но оно явно выражало сильнейшее удивление – считалось, что если за дело взялись люди из Ордена Крови, то нужно было заказывать гроб. Жертву не могло спасти ничто. Его спутники взялись за руки, словно дети. Один из них метнул огненный шар, с пальцев второго сорвались кривые зигзаги молний. Канн одной рукой перевернул стол, второй потянул эльфийку за собой, ныряя в укрытие. Стол разлетелся в щепки, и его остатки загорелись от удара молнии, но люди остались целы. Барону повезло меньше – ступок пламени ударил его в грудь. Будь на нем доспех, старик, быть может, выжил бы, но доспеха не было, и он пылающей грудой влетел в стену.

Не дав колдунам опомниться и сотворить новое заклятье, Канн взвился вверх и оказался прямо перед чародеями. Скрещенные на груди кривые сабли разлетелись в стороны – одна чиркнула по камзолу колдуна, вторая отделила голову его товарища от тела, но воин пропустил коварный выпад сбоку от Гаррота-младшего. На боку выступила кровь – меч смог пробить кольчугу, но как следует вогнать клинок в тело у изнеженного наследника баронства не хватило сил. Недавний бродяга взмахнул саблей, и со шлема его противника слетел роскошный султан из перьев редкой птицы. Юный щеголь не пренебрег украшениями, даже идя убивать. Два человека схватились в поединке на мечах. Раненый колдун попытался встать, но подоспевшая Найтари прикончила его шпагой, прихваченной в разбойничьем логове.

В схватке тяжеловооруженного латника и не закованного в броню воина при прочих равных зачастую побеждает латник. Но в поединке Гаррота-младшего и Канна прочих равных не было. Бродяга однозначно владел клинками лучше, чем соперник. Поняв это после того, как сабли раза три-четыре чиркнули по кирасе и звякнули о глухой шлем-хауберк, дедодубийца ничуть не стесняясь, показал врагу спину. Правда, далеко уйти он не смог, Канн вонзил сабли в метущий пол роскошный плащ, расшитый драгоценным мехом и жемчугом, пригвоздив его к полу. Грохоча железом лат, барон растянулся на паркете. Держа верный кинжал острием вниз, предприимчивый спутник эльфийской царевны не торопясь подошел к распростертому и безуспешно пытающемуся освободить плащ (сбросить его с плеч барон так и не догадался) врагу.

– Выкупаю жизнь, – заголосил он, когда острие кинжала коснулось кожи там, где бахтерец переходит в шлем.

– Имя того, кому ты служишь, я и так знаю, – усмехнулся Канн, – Его величать Салкандо. Вчерашнее покушение – дело рук ныне покойных ассасинов Ордена Крови. Остальное мне не интересно, – он замахнулся кинжалом.

– Стой!!!! Медальон, что одет на эльфке – сильный магический артефакт!!

Смертоносная сталь замерла на полпути.

– Повелитель сказал снять его с трупа и передать ему. Еще ему нужна твоя кровь, бро... странник, и кровь истинной наследницы рода Эльфарран.

– Зачем?

– Не знаю, видимо, для каких-то магических обрядов. Он обещал даровать мне талант, если я выполню его приказ.

Канн и Найтари переглянулись. Девушка убрала шпагу в ножны и жестом велела освободить пленника.

– Выдвигаемся сегодня же, – сказала она, едва стих лягг шагов убегающего из собственного дома барона.

Построение небольшого войска заняло считанные минуты, и кавалькада всадников, сопровождаемая телегами с обозом и пешими воинами, потянулась на юг, к границам Дракмора.

Интермеццо 3. Пророчество

Полутемный зал, где на стеллажах стоят пыльные от времени пергаментные свитки, освещается факелом, да лампадкой, горящей на столе, заваленном бумагами. Над листами, покрытыми неразборчивыми символами корпит человек. Его рыжая шевелюра едва не касается трепещущего пламенного языка. Когтистый палец со скрипом движется по строчкам, сухие тонкие губы шепчут странные слова на неведомом языке. Чуть вдали мечется туда-сюда еще один человек, периодически бросая тень на рукописи.

– Нашел, – сообщает сидящий, – Брат, это большая удача. Слушай: «в эпоху войн Первых, пришедших в мир создано было существо, неуязвимое ни для зачарованного оружия, ни для могущественнейших заклятий. Сие существо создано было силой четырех Великих Темных, ибо тогда Великие небожители стояли за спинами армий смертных. Силы Тьмы первозданной побеждали с его помощью битву за битвой. Но раз, в сражении на Лысых холмах в стане Света нашелся герой, убивший тело дракона и сам павший вместе с ним. Дух Дракона Великий Светлый разделил и заточил в созданные им камни, ибо даже он не мог совладать с сущностью, сотворенной четырьмя Повелителями стихий. Каждый из этих камней наделял своего обладателя невиданными магическими способностями и продлевал жизнь на сотни лет. Закон Весов провозгласил, что если соединить все четыре камня, окропить их кровью наследника рода павшего героя, то возродится дракон и сокрушит мир. Власть над ним можно будет взять лишь напоив Дракона зельем из подгорной травы и крови сына, Перворожденных и Последовавших, чье сердце свободно от Тьмы и не подчиняется Свету, рожденного в час, когда звезды Небесного Краба собираются вместе и рисуют в небе сие животное...»

– И что? кольцо с одним камнем тебе дал Мастер, а где искать остальные?

– Читаем дальше, в другом свитке. «...Три же других камня оставлены были в нашем мире. Один из них сияет в медальоне владыки страны Ночного народа, чей отец убил Дракона. Второй отдан на сохранение мэллорианорам, третий схоронен в пещерах, куда даже гномы не прорывают свои шахты у самых корней земли». Овладеть камнем Эльфарранов можно просто поведя армию наших последователей на Дракмор. Ун'Шаллах бессмертен, в смысле, не может умереть от старости, но уязвим для оружия и магии.

– А эти самые мэллорианоры? – спрашивает второй, – Кто они?

– Видимо, это исковерканное название Лесных эльфов – *maelloriannor*.

– Но как заполучить их камень, Салкандо? Ведь в Вековечные леса нет ходу злу. Множество людей, чьи сердца были «запятнаны Тьмой», как говорит легенда, сгинули там.

– Хитрость, брат, хитрость. Если мы не можем прийти к эльфам, пусть они придут к нам.

Оба брата заливаются злым смехом, от которого у спрятавшегося за стеллажами гвардейца Великой империи холодеет кровь. Бледный, будто вампир, солдат бесшумно выбирается из библиотеки и бежит во дворец Императора. Перед ним смыкаются копыя, но соглядатай все же пробирается в святая святых Империи и падает ниц перед встречающим его седобородым старцем.

– Император вознаградит тебя за ценные сведения, – говорит старик, выслушав сбивчивый рассказ солдата.

Наградой соглядатаю оказывается отравленный нож под ребро, направленный рукой ассасина Ордена Крови, содержавшегося при Императоре для решения деликатных проблем.

Братья, между тем, беспрепятственно покидают пределы Восточной Империи, унося с собой роковое для всего мира знание. Пройдет несколько лет, и весь этот мир омоется потоками крови из-за нескольких дней, проведенных Салкандо и его спутником в библиотеке.

6

Тончайший слой грязного талого снега хрустел под лошадиными копытами. В морозном воздухе слышно было фыркание да звонкий перестук, да редкие команды.

Найтари и Канн ехали впереди своего маленького войска. Оба верхами, оба пренебрегши доспехами. Он, по обыкновению, молчал, ограничиваясь лишь короткой односложной фразой в час по чайной ложке. Какие мысли одолевали молодого воина, эльфийская царевна не знала. Догадывалась лишь, что думы его были не из приятных, поскольку тонкие губы полукривки были плотно сжаты, смарагдово-зеленые глаза с затаенной тоской глядели на разворачивающуюся дорогу.

– О чем ты думаешь, Канн? – не выдержала девушка.

Ее глаза встретили изумрудное пламя в его глазах, которое, однако, тут же смягчилось, на лице возникло что-то навроде улыбки, искренней и довольной, но от неумения выглядевшей едкой и злой.

– Думаю, как это все быстро и неожиданно. Все то, что сейчас происходит с нами. Мало мне было просто принцессы, которую надо защищать ценой собственной крови, так она еще и оказалась носителем магического амулета. Волшебство ни я, ни мне подобные не шибко доверяют, да и боятся, чего таить.

– Я не просила меня защищать, вольный странник, – возразила Найтари, – Тебе был дан выбор: хочешь, возвращайся к милым тебе лесам и полям, к бесчисленным лигам трактов и тропок, а хочешь – останься со мной.

– Знаю, ваше высочество. Думаешь, не думал я, не размышлял, а бухнул наобум, что на ум пришло, – из груди воина вырвался горький невольный вздох, взор снова обратился на дорогу. Продолжил Канн уже едва-едва различимым даже для эльфийского уха шепотом, – Не смог я отпустить тебя, Найтари Эльфарран... Тари. Учили тебя шпагой махать эти, ха, да с ними только разминаешься. Ох, вру, вру, вру, вру. Не в стали дело, а в тебе самой.

– Что?

– Разведчиков надо выслать, величество твое, впереди место для засады превосходное. Вот жду, пока сама сообразишь.

Тотчас с тем же известием подъехал дружинный старшина – изрезанный клинками ветеран, выигравший не одну сотню кампаний и служащий уже второму поколению Гарротов. Найтари покосилась на хладнокровно скачущего Канна:

«-Он не перестанет удивлять. Все знает, все может. Нет, не все... любить не может. Статуя, а не человек».

Вскоре лесок, по которому ехал отряд, неожиданно оборвался, и воинам открылся вид на расположенную, словно в чаше долину. Линия снегового покрова осталась позади, и землю ничто не прятало от взора. Видно было все, что есть в долине. Здесь протекала речка, травы на лугах стояли едва не по пояс взрослому человеку, мелкое зверье галдело в лесу. Аккуратные домишки лепились друг к другу, образуя деревушки. Чуть дальше раскинулся город. Сверху видны были крыши и башни. Если напрячь глаза, то можно было даже увидеть занимающихся своими делами поселян.

– Дракмор, – известил подъехавший старшина Оргон.

– Странно, я думал, эльфы живут в лесах, лазают по деревьям, а на землю ступают только в исключительных случаях, – проговорил Канн. Найтари усмехнулась – знаем, знаем, сам наполовину такой, а придуриваешься.

– Это заблуждение, – Ответил Оргон, – Мэллорианоры и впрямь строят свои дома на гигантских ясенях, говорят, в глубине Вековечных лесов есть такие деревья, где помеща-

ются целые города, но их я не видел. Ночные же эльфы тем от родственников и отличаются, что их образ жизни такой же, как у людей.

– Где дворец моего отца? – спросила царевна. Сейчас она действительно выглядела как особа королевской крови, словно близость подданных придала ей сил и уверенности.

– Дворец отсюда не было видно, даже пока он еще стоял.

– Ладно, хватит трепаться, спускаемся в долину, – оборвал Канн и первый двинулся по плохо проезженной тропочке, то вновь ныряющей в лес, то вплотную подходящей к обрыву. Чуть поплутав, тропа сворачивала в природой образованную арку из двух, будто сросшихся крутых скал.

– *Khann*, – на правильном наречье Ночных эльфов произнес старшина, – Эльфы дали этой скале имя, которое на нашеньский переводится, как «опасный клинок», скалы-то и впрямь на меч похожи.

За скалой-мечом тропка ныряла круто вниз и кольцом обвивалась вокруг образовавших чашу гор. Здесь пришлось бросить телеги и двигаться, разбив строй, в колонну по одному, поскольку на тропе хватало места только для одного пешца или одного всадника. В конце тропы отряд ждало ущелье, перегороженное двумя сторожевыми башнями. Оргон сказал, что еще совсем недавно они стояли покинутыми. Все наибольшие миниатюрной армии надеялись, что это и по сей день так, ибо, благодаря капризам природы, даже небольшой гарнизон мог сдерживать, если не разбить, многотысячную армию.

На их счастье, башни выглядели покинутыми – из бойниц не торчали самострелы, никто не скидывал на головы подступающим воинам камни со скал. Однако Канн хмурился и озирался по сторонам, держа руки на эфесах сабель. Но его опасения не оправдались. Последний лучник миновал опасное место безо всяких происшествий. Десятники и сотники небольшого войска построили своих подчиненных.

– Движемся к развалинам королевского дворца, – объявил Оргон, – Затем берем в кольцо столицу.

Конники дали шпоры лошадям, пешие воины перешли на легкий бег – не стоило экономить силы, пока местные старшие еще не знают о вторжении.

Как и предполагал покойный барон Гаррот, войско Найтари долго не встречало сопротивления, продвигаясь все дальше и дальше в глубь Дракмора. Неприятель встретился им, когда до столицы осталось полтора дневных перехода. Оргон только усмехался себе в усы – тутошние военачальники, кто бы они ни были, до неприличия глупы: закованная в глухую броню конница при поддержке стрелков и прикрытии копейщиков (на случай «неожиданного» удара вражьей кавалерии) легко сомнут в поле любую заступившую путь армию.

Но еще больше старшина смеялся, воочию узрев тех, с кем придется сразиться – рота наемников в разномастных доспехах и вооруженных, кто во что горазд, конная полусотня, да не тяжелая кавалерия, а даже не защищенные доспехами всадники пяти летучих эскадронов, хороших для разведки, но не для сшибки с закованными по самые глаза конниками Гаррота.

Две кавалерийские сотни, которыми командовал племянник Оргона, выстроились ударным клином и замерли в двух полетах стрелы от неприятельского войска. Полусотня стрелков осыпала ряды противников стрелами, копейщики же стояли вперемешку с лучниками, прикрывая тех своими щитами.

– Долго они так не простоят, – сказал Оргон, оставшийся вместе с Найтари и Канном за полем боя, – Эти субчики совершенно не умеют сражаться в одном строю с стоять под стрелами, зато они мастера в дуэльных схватках. Сейчас стрелки порастревожат господ насупротив и дадут дорогу коннице. Тут-то супостат и обречен – ни холмика, ни овражка, чтоб затормозить разбег коней.

– А если их конница ударит? – поинтересовалась Найтари.

– Я надеюсь, что она ударит. Наши сметут их, даже не потеряв разбег.

– Что будет, если не ударит?

– Тогда она обязательно атакует пеших воинов, и мы потеряем больше людей, чем считывали, – ответил вместо старшины Канн

– Вы не совсем правы. Потери буду, это да. Но не намного больше ожидаемых. Это летучие отряды, вооруженные только кавалерийскими палашами, да еще и без брони. Половину сметут стрелки еще на подходе к линии копейщиков. Если они пойдут клином, то пробьют нашу линию, но после попадут в кольцо. Если пойдут линией – будут болтаться на наших копьях.

На ратном поле, тем временем, рога и трубы сыграли атаку. Пешие воины расступились, и из-за их спин выехала гордость баронства Гаррот – тяжелая конница. Сейчас всадники ехали неспешной рысью, выстраиваясь в линию, несмотря на вражеские стрелы, отскакивающие от брони людей и коней. Племянник Оргона махнул обнаженным мечом – стальная лавина понеслась с места в карьер, сверкая на зимнем солнце до блеска начищенными латами и остро заточенными копьями. Стоявшие против них наемники кое-как сомкнули строй и оцетинились разномастным оружием. Но выдержать зрелище неумолимо надвигающейся лавины железной смерти смогли не все. Многие защитники Дракмора побросали оружие и побежали прочь, таким лучники вдогонку посылали стрелу-другую не с тем, чтоб убить, но подстегнуть. Кто-то падал на колени и ждал, пока конница ударит, тогда, быть может, их заметят и помилуют. Но нашлось и несколько таких горячих голов, что не устояли в строю, а бросились навстречу атакующим с поистине берсеркерским криком. Этих рубили сплеча недлинными широкими мечами, специально притороченными у лошадиного седла...

Словно раскаленный добела нож в теплое масло, словно распаленными воткнутыми дротами быки вонзились конники в неаккуратный строй наемников. Их первые ряды тотчас смело. С наблюдательного пункта, где расположились Канн, Найтари и Оргон видна была только кровавая каша да взлетающие порой на копьях тела. Те воины, чьи копья застревают в телах убитых рубились привычными им полуторными мечами. Внезапно, но вполне ожидаемо из ближайших зарослей вынырнула летучая кавалерия обороняющихся, но она не бросилась на рыцарей Гаррота, поглощенных мясорубкой в пехотных полках, пронесли эскадроны мимо застывших в недоумении копейщиков, оцетинившихся пиками, и устремились прямо к ставке вождей атакующих. Этот маневр был неожиданным даже для прошедшего множество кампаний Оргона. Лучники не растерялись и, на бегу посылая стрелы, развернулись к уже кажущему им спину врагу. Беспорядочная стрельба свалила десятка полтора из полуторасотен, еще пара организованных залпов сократили число всадников из благородных сторонников Салкандо и их вассалов менее чем до полусотни. Рыцари покончили со своей кровавой работой и погнали коней наперерез, благо племянник Оргона, Маронис, соображал в военном деле почти так же хорошо, как и дядя. Они успели. Атаковали с фланга, сходу опрокинув незащищенных дворян разных государств, собравшихся по воле колдуна. Однако несколько человек успели и вырвались из-под разящего клина. Именно эти смельчаки, презревшие кровь товарищей и не пожелавшие мстить за соратников окружили эльфийскую царевну, ее телохранителя и генерала. Трое попавших в кольцо обнажили клинки. Канн даже сумел зарубить одного, неосторожно приблизившего слишком близко.

Однако окруживших было слишком много, войска не успевали прийти на помощь, сражаться втроем было бессмысленно. Бывший бродяга и *наш'хаер* (военачальник, ведущий в бой) в будущем (согласно замыслу принцессы) бросил на Найтари взгляд, исполненный скорби, жалости и чего-то еще, чего-то позволяющего свернуть горы ради той одной, чего-то сжигающего всю человеческую сущность. Он откинул извечный капюшон, чтоб не мешался, и крутанул саблями, описав правильную восьмерку, готовясь продать свою жизнь подороже и, поелику то будет возможным, спасти жизнь наследнице Дракмора.

Интермеццо 4. Встреча на Волчьей горе.

Два путника – совсем молодые, чуть-чуть не дошедшие до второго десятка – пешком всходят на пологую гору, называемую Волчьей, хотя волки на ее склонах не обитали уже столетие. Видно, что еле бредущие люди явились сюда не по доброй воле. Они – беглецы, их одежды изорваны, горбун ранен, правда, не сильно. Его спутник идет, опираясь на обломок двуручного меча и приволакивая сломанную ногу. Воина одолевает боль, перед глазами пляшут разноцветные круги, в жилах, готовых порваться от напряжения, глухо стучит кровь.

– Салкандо, я не могу, – человек в пробитых во многих местах латах с вычеканенным на груди грифоном падает оземь.

Горбатый Салкандо снимает с пояса флягу и вливает упавшему в рот ее содержимое. Пересохшее горло воина смачивают жалкие капли влаги.

– Я тебя не брошу, брат Вишванта, – горбун поднимает обломок меча и оборачивается туда, откуда они пришли.

– Тебе... не выстоять. Беги... они... задержатся со мной.

Но брат не слышит. Он не умеет сражаться мечом, но упрямо стоит, дожидаясь преследующего врага.

Вдруг веет холодом. Откуда в южном пределе, почти на самом берегу Горячего моря, взялся холод? У торчащих на поверхности корней тысячелетнего дерева, раскинувшегося на много футов, закружилась масса острых белых и немилосердно холодных бусинок самой разнообразной формы. Салкандо знает, что это снег. Он видел это на Севере пока паддишбека, их отца, не лишили головы, а их с братом, наследников Курум-бахра не выгнали из собственной страны. Голубая вспышка, и на толстых корнях сидит в небрежной позе некий человек, облаченный в балахон чернее ночи, поверх которого ниспадает такая же накидка. Лица мага (а так делать могут только маги) не видно из-за низко надвинутого капюшона. У бедра незнакомца висит полуторный меч в простых черных ножнах, украшенных небогатой серебряной инструкцией, из-под балахона видны латные перчатки и такие же сапоги.

– Тебе не выстоять, человек, – говорит он Салкандо. Голос пробирает того до костей, вернее, не сам голос, а тот мороз, что в нем в придачу к зимней выюге.

На гору уже вбегают воины в клепанных кожаных доспехах с ятаганами и щитами из сыромятной кожи – восставший народ Курум-бахра, его армия.

– Предлагаю договор, – вновь говорит пришелец, – Я спасаю вас обоих, даю силу отомстить, а вы исполняете одну небольшую службу.

– Согласен, – кричит Салкандо. Ему неважно ничто, лишь бы выжить самому, спасти брата и отомстить.

– Да будет Тьма свидетелем, – и над плечом мага вспыхивает и вертится темный сгусток, будто дыра в ничто.

Незнакомец не делает никакие пассы руками, не говорит ни слова, даже не встает с корня, лениво покачивая ногой в высоком черном латном сапоге. Но, тем не менее, взбирающиеся на гору войны разом падают, будто невидимые вампиры одновременно выпивают у всех кровь. При этом павшие похожи на утопленников, пролежавших в ледяной купели с годик.

Салкандо видит, что у упавшего рядом с ним воина, который умудрился где-то пораниться, из раны не течет кровь, а виден алый лед в теле.

– Теперь слушайте меня, принцы Курум-бахра Вишванта и Салкандо, – начинает неизвестный чародей. Слушать его голос невмоготу, и гордый принц склоняется на колени, его брат боится даже застонать от одолевающей его боли, – Я предлагаю вам службу, исполнив которую вы станете владыками этого захолустного мирка, – меж пальцами появляется кольцо из черного металла с ярко переливающимся камнем, которое медленно плывет к Салкандо, – Эта вещь дает магическую силу. Очень мощную... Правда, куда меньше чем у... да это вам

знать нет необходимости. Вам надо найти братьев этого камня – Камни Дракона и провести необходимый ритуал.

– Мастер, – вырывается обращение у горбуна, – Почему ты сам не можешь сделать это?

Тут его горло словно сдавливает невидимая рука, он хрипит, скребет кадык ногтями, но тщетно. Внутри все холодеет. Еще чуть-чуть и ледяная волна, медленно и мучительно распространяющаяся по телу, дойдет до сердца и скует его. И вдруг все проходит.

– А я возьму и отвечу, – смеется маг, – Смертные, догадались, кто перед вами? Нет?! Варвары в облике патрициев! Демону моего порядка не пристало творить нечто столь малого масштаба своими руками согласно Правилам Надмировых Весов. Ясно.

– Да, мастер, – хором откликаются братья, а Вишванта добавляет, – Повелитель, а как же я? – и тут же ногу пронизывают миллионы острых ледяных игл. Первое время это больно, потом просто неприятно, затем приносит облегчение. Принц встает, спокойно опираясь на сломанную ногу.

Демон издает что-то вроде довольного «ухм» и таким же образом как и появился исчезает.

Салкандо вертит кольцо в руке, словно не решаясь что-то с ним сделать, а потом надевает его на палец. Алая молния срывается с небес и пронзает тело горбуна, вторая молния вылетает из земных недр и бьет туда же, куда и первая. Вишванта видит что-то у корня, на котором сидел демон, подходит, даже не прихрамывая, и уже размахивает, примеряясь, новым мечом – двуручным бастардом с зубчатым лезвием.

– Вишванта, я понял, кто это был. Владыка стихии. Могучий Темный небожитель. Один из четырех Изначальных, принявших Тьму.

Братья переглядываются, их мысли сейчас совпадают – оба думают об одном и том же: Хозяин может потерпеть, пока мы не предадим огню проклятое Курум-бахра, и заодно наберем там себе верных прислужников.

7

– Сдавайтесь! – приказал предводитель отряда, – Хорошо. Убить девчонку и изрезанного, того, с двумя саблями, взять живым.

– Рискни, – Оргон набросил на лицо забрало шлема.

Окружившие их всадники подались вперед, обнажив клинки и направив их в грудь окруженным. Канн махнул саблей, разрубив полетевшие в него арканы, и только хотел пронзить ближайшего врага, как вокруг встала сплошная стена яростно рокочущего пламени. Воин зашипел от боль, потому что, наткнувшись на огненную преграду, клинок моментально раскалился докрасна.

– Что это? – проворчал он

– Стена пламени, – прогудел из-под шлема Оргон

– Сам вижу. Я имею ввиду, откуда она здесь?

– Не могу знать. Но работа точно не моя, я волшебю не обучен.

– Я тоже ничего не делала, – вставила Найтари.

– Какая разница, откуда это тут взялось. Теперь мы сможем дождаться помощи.

– Оргон прав, Канн.

– Прав, принцесса. Только я вот думаю, что это твоя работа. Не удивляйся. Вспомни, что молодой крысеныш Гаррот говорил в замке про твой медальон. Вспомнила? Так теперь повспоминай, что ты делала, до того, как поднялась стена. И думай быстрее, а то здесь немного жарковато.

Царевна убрала шпагу в ножны и присела на траву. Жарко, конечно, Канн прав, и надо попытаться убрать стену, все равно, кавалерия уже подросла и разбила врага. Хорошо хоть кольцо огня не сжимается.

Едва она это подумала, как грохочущее пламя придвинулось ближе к трем запертым в пламенной ловушке людям. Канн и Оргон дружно вскрикнули, а огонь, словно прищипренный конь, набрал скорость.

– Найтари, принцесса, – в один голос закричали мужчины.

А Найтари сосредоточилась

«-Исчезни, – мысленно приказала она.»

Ревущее пламя, которое вот-вот должно было коснуться своих пленников, опало, оставив после себя обугленную землю.

Бой был выигран почти без потерь. Один Канн не был рад блестящему началу кампании по завоеванию Дракмора. Он доскакал до берега реки и сел на выступающий из воды камень, покрытый водорослями.

Найтиари владеет магией, а волшебство – штука опасная и коварная. Взять хотя бы пресловутую огненную стену, чуть не превратившую всех троих в хорошо прожаренный бифштекс. Но дело даже не в том, что она теперь может по неосторожности погубить себя, а в том, что чем ближе завоевание престола царства ночных эльфов, тем дальше возможность мне, простому телохранителю, бывшему разбойнику и бродяге завоевать холодную принцессу. Вряд ли, став царицей, она даже посмотрит на него. Любому ясно, что царственные особы не спешат связать себя с простолюдинами. Но я-то не простолюдин, а потомок древнего рода, отрекшегося от Дракмора и добровольно ушедшего в изгнание для постижения тайн боевых искусств. Не важно, что мать моя была простой человеческой крестьянкой, важно то, что отца звали Унмиэль Тин-Лаэрдинн...

Опущенного в воду сапога Канны коснулась разлившаяся по реке волна мертвящего холода. Он отдернул ногу и посмотрел на противоположный берег: прямо по водной глади

к нему шел человек, закутанный во все черное. Полы балахона и кончик ниспадавшей с плеч мантии волочились над волнами, едва не намокая.

– Боги и демоны, – вскричал Канн, выхватывая из-за плеч верные сабли. Хотя, что он сможет сделать честной сталью против существа, разгуливающего по воде словно посуху, воин не знал.

– Убери оружие, оно тебе все равно не поможет, – произнес незнакомец, – Я пришел просто поговорить.

Поежившись от голоса человека (человека ли?) словно от порыва промозглого ветра, телохранитель царевны опустил клинки, но в ножны их не спрятал.

Визави Канна замер посреди реки, словно ощущая потаенный страх собеседника.

– Я случайно услышал, что ты отчаялся заполучить прекрасную наследницу Ун’Шаллаха. Могу подсказать способ добиться расположения принцессы.

– Кто ты?

– Мое имя тебе ничего не даст, смертный. Просто знай, что я могу тебе помочь. Да и от тебя ничего не надо. Только снять с нее кое-что, я имею ввиду, одно украшение, и пожертвовать пару капель своей крови на благое дело. Царевной Дракмора она тогда стать не сможет, и ты легко станешь любовником Найтари Эльфарран. По дружбе скажу, что ты ей и так нравишься, Канн Тин-Лаэрдинн.

– Ты меня не соблазнишь, демон. Уходи. СГИНЬ, ИСЧАДЬЕ ТЬМЫ!

– Ха-Ха-Ха, думаешь, меня прогонят фразки ваших священников вкупе с изгоняющими зло жестами? Подумай, человеке, как следует. Я читаю твои мысли, и знаю, что больше всего на свете тебе нужна эльфийская принцесса, и предлагаю тебе ее. Я же хочу ее медальон. Ни царства, ни души мне не надо, только бесполезный для этого мирка амулет.

Канн на секунду замер, словно в раздумьях, а шагающий по реке искуситель продолжил:

– Тебе ведь наплевать на битву Света и Тьмы, тебе нет дела до интрижек вышних сил. Только сейчас у тебя появилось заветное желание, и я предлагаю его осуществить. Только представь, смертный: ты и девушка, Найтари, живете вместе где-нибудь на берегу озера или моря, вдали от войн и несправедливостей. А может ты хочешь оставить этот мир вместе с ней? Тогда я могу перенести вас в какой-либо отдаленный уголок Пирамиды, или даже создать вам ваш собственный мирок, это, правда, трудно и не одновременно, но...

Увлечшись монологом, искуситель подошел слишком близко к собеседнику, и Канн полоснул его наискосок по груди саблями. Демону (а это, судя по водохождению, мог быть только демон) от этого не случилось ровным счетом ничего, а вот клинки задымились, но выкованная и закаленная в кузнях Гаррота сталь выдержала и не расплавилась. Ответ был страшен – полуэльфа отшвырнуло к деревьям и приморозило к верхним веткам за руки и ноги, в живот словно медленно ввинчивали замороженное сверло. Он не сумел сдержать крика боли.

– Это тебе урок, грязный полукровка, – голос демона теперь звучал в полную силу, тысячей барабанов отдавая в голове несчастного влюбленного, – Смертный поднял руку на Владыку стихии! Нонсенс, как говорят в одном мирке, заброшенном далеко от всех магических потоков.

Затем неведомая сила, едва не вывернув конечности, оторвала Канна от дерева и швырнула в реку. Вода в том месте, куда он упал, сразу же стала покрываться коркой льда, движущейся не только вширь, но и вглубь.

– Что ж, смертный, ты меня разочаровал. Мы еще увидимся когда-нибудь, если, конечно, не уйдешь под лед. Ха-ха-ха

Канн сдерживал дыхание из всех сил, но легкие уже разрывались от недостатка воздуха. Он пытался отплыть, но ледяная корка, стремительно покрывавшая всю речку, неумолимо настигала молодого воина. Смерть вот-вот должна была раскрыть ему свои объятия. Глаза его сами собой закрылись, тело перестало биться за жизнь, разум смирился с неизбежностью.

Но какая-то теплая, мягкая и будто бы родная сила вытащила его из воды и мягко опустила на берег.

Медленно-медленно сознание возвращалось к Канну. Легкие сделали долгожданный вдох, наполнились живительным кислородом. Глаза словно нехотя раскрылись навстречу нестерпимо болезненному после глубинного полумрака свету. Возле его тела стояла Найтари, держась тонкими пальчиками за отцовский медальон.

– Ты очнулся? Я видела, как ты прискакал сюда, и приехала следом, чтоб поговорить, но нашла только твоего коня. А тебя случайно увидела под почему-то заледеневшей водой.

– А такого странного в черном и с капюшоном не видела?

– Нет, а что?

– Он охотится за тобой. Вернее, за твоим медальоном. Он предлагал мне... предлагал исполнить мое величайшее желание, если я принесу ему медальон и дам немного своей крови. Я рубанул черного саблями, но он даже не заметил этого и засунул меня в заледевающую реку.

– Ты хочешь сказать, что это существо бессмертно?

– Может, его и можно убить, но только не простой сталью. Ты, кстати, о чем-то хотела поговорить?

– Да. Только думаю, после таких известий то, что я скажу, покажется неважным. Давай уйдем отсюда побыстрее, а то вдруг твой черный вернется.

8

На отвоевание Дракмора у воинов почившего барона Гаррота ушла почти неделя. Набранная из наемников и дворян, переметнувшихся невесть как и почему к Салкандо армия защитников страны больше на поле не выходила, предпочитая вести партизанскую войну. Но после нескольких успешных засад, ударов в спину и ночных нападений на лагерь, удача им изменила. Вернее, люди Оргона научились устраивать сюрприз в сюрпризе и перерезали большую часть ассасинов Ордена Крови, нанятых специально для устраивания соленой жизни нападающим. К концу недели столица Дракмора, носившая тоже название, была взята в кольцо. Долго в осаде просидеть обороняющиеся не смогли, и к началу следующей недели открыли ворота города и подняли белый флаг.

Оргон был доволен – потеряв всего шестерых убитыми и с десятков ранеными, он завоевал целую, некогда могущественную страну. Триумфатором вошла в королевский дворец. Не то величественное сооружение, что стало могилой для ее отца, а новый, поражающей аляповатостью и пошлой пышностью. Нынешний наместник Дракмора, правящий от имени «могущественного принца Салкандо» добровольно склонил голову и передал девушке символические ключи от столицы и Венец Дракмора – корону государей Ночных эльфов.

Не откладывая в долгий ящик, назначили церемонию коронации законной царевны из рода Эльфарран, тем более, что, едва весть о том, кто ведет войско закованных в броню людей, достигла ушей местных жителей, понеслись изъявления преданности и отряды возрождающейся эльфийской армии. С одобрения Оргона, Найтари приказывала присоединяющимся отрядам возвращаться по домам и восстанавливать то, что не желали восстанавливать для «колдуньего приспешника».

И весной Дракмор расцвел. Вместо опустевших и покрытых многолетней гарью деревень теперь стояли вполне обустроенные хутора, города стали неотличимы от людских – та же толкотня и суета, не стало грязи на просторах царства. В общем, все стало как прежде. Старшины некоторых родов даже предложили отстроить заново замок Ун'Шаллаха, но Найтари отказалась, ограничившись лишь переделкой дворца в столице.

И вот настал день, когда с коронацией тянуть уже стало нельзя. До этого наследница страны отговаривалась, мол, из разрухи не вытянули, казны почти нет, армия не собралась.

Праздничная процессия въезжала в столицу через широко распахнутые северные ворота. Впереди на белоснежной лошади ехала Найтари, в длинной белой же тунике, без шпаги, но со спрятанным, по настоянию Канна, в рукаве стилетом, следом старшины крупных и влиятельных родов, составляющие цвет дракморского нобилитета, за ними Оргон и его конники, по глаза закованные в железо, с опущенными забралами и обнаженными мечами, еще дальше легко вышагивала новорожденная эльфийская армия, избранные ее полки, все при боевом оружии и без украшений. Канн же затесался в ряды знати, полагая, что будет там незаметен, но на фоне ярких нарядов из дорогих тканей резко выделялся своим простым черным плащом, правда уже без наброшенного на голову капюшона.

Кое-кто из более старых его соседей признал некоторое фамильное сходство непонятно откуда взявшегося телохранителя с мятежным Бравуэссом Тин-Лаэрдинном, дедом Канна, и начались перешептывания.

- Сами отступники прислали родственника на коронацию царевны.
- Говорят, он сопровождал ее еще из людских земель.
- А я слышал, будто они любовники, и род отступников, сразу после коронации, будет особо приближен к трону.

Все раздававшиеся за его спиной шепотки Канн прекрасно слышал, но не подавал виду, в конце концов, он теперь в свите королевы, а придворные все одинаковы, будь то в человече-

ский двор, эльфийский, гномий, или какой другой расы. Однако после последней фразы он все же обернулся с таким взглядом, словно собирался тотчас бросить вызов, но сдержал гнев и пообещал себе позвенеть сталью с неосторожно высказавшимся эльфом сразу после коронации.

Торжественный поезд, тем временем, уже двигался по улице, ведущий к главной святыне Ночных эльфов – исполинскому монументу, изображающей Всемирную пирамиду. Копыта лошадей ступали по лепесткам полевых цветов, бросаемых толпой над головой новой правительницы. Невдалеке засвистели флейты, ударил серебряный колокол. Кортёж остановился у монумента. Найтари спешила с помощью двух старых эльфов (старость их скорее угадывалась по белесым глазам и уставшим лицам, ибо над эльфами не властно время), Канн тоже соскочил с коня, остальные же остались в седлах. Самый старый из трех служителей культа протянул девушке символический клинок с широким фигурным лезвием и простенькой рукоятью – меч ее недалекого предка, основавшего Дракмор – и тонкий алмазобриллиантовый обруч с золотой чеканкой.

– Служить и править, – сказал он.

– В мире и войне, во тьме и свете, – преклонив колени ответила королева.

Служитель, можно даже сказать священник, возложил диадему ей на голову и поцеловал в макушку. Найтари выпрямилась.

Вооруженные эльфы и немногочисленные люди забряцали своим оружием, остальные захлопали в ладони.

– Вечного царствования королеве, – грянул дружный хор тысяч голосов.

Один за другим старшины родов и командиры воинских соединений подходили к дочери Ун'Шаллаха и присягали на вечную верность. Последним перед ней склонился Канн.

– От имени древнего рода Тин-Лаэрдинн, помнящего времена Эльфаррана Славного, – по толпе прошелся шепоток – не забылось за долгие века имя отступников, – Выражаю моей королеве искреннюю свою преданность и покорность пред ее волей.

Изучившая за время пребывания у барона Гаррота историю своей страны, Найтари знала о роде Тин-Лаэрдинн, но не выказала ни малейшего смущения тем, что принимает от ренегата королевскую присягу. Она даже предполагала, что ее скрытный спутник-полуэльф вполне может оказаться последним из этого мятежного рода.

– Я принимаю твою присягу, Канн Тин-Лаэрдинн, несмотря на то, что кровь твоя разбавлена человеческой, – шепоты в толпе усилились – еще никогда полукровка не приносил эльфийским владыкам клятву верности от имени старейшего рода, – Встань, мой верный *нойонер* (телохранитель, первый придворный).

Старшины прямо остолбенели. Не успела эта девчонка взойти на престол отца, а уже дала такую пощечину их чести. Многие смирились, приученные за века правления Ун'Шаллаха, что королю виднее, но нашлись и те, кто тихо возроптал, правда открыто никто не возмутился, равно как и в ответное оскорбление в виде громкого ухода с церемонии не совершил никто...

Так в древнем королевстве воцарился законный правитель. На некоторое время установились порядок и спокойствие, как для дракморского народа, так и персонально для его правительницы. Лишь Канн ходил по перестроенному дворцу ровно тень в своем черном плаще, стреляя во всех встречных-пеперечных острым взглядом пытливых и холодных глаз, в глубине которых все же пылала тщательно скрываемая и подавляемая искорка.

Оба, королева и ее охранник, знали, что где-то там, неизвестно где, за укрывавшими Дракмор горами страстно жаждущие камень и жизнь Найтари маг Салкандо и приснопамятный черный, и что они не дремлют, а не спеша, продумывая и взвешивая идут к своей цели. Второму-то явно некуда торопиться – в его распоряжении Вечность, а Салкандо готов терпеть ради заведомого успеха хоть десятилетия.

9

Загадочный южный предел. Горячее море, вполне оправдывающее свое название, плещет исходящие паром волны на более холодный песок берега. У самой кромки воды, чье прикосновение обжигает, переступает с ноги на ногу смиренный гнедой жеребец. Его седок расположился чуть поодаль, разлегшись на теплом песке и нежа, будто ящерица, старые кости в лучах немилосердно палящего солнца. Человек этот привык к жару своей страны и чувствовал себя вполне комфортно в бессчетных локтях материи и плаще, наполовину состоящем из ткани, наполовину из перьев экзотических здесь совы, грифа и серого голубя. Глаза его медленно закрывались, Морфей медленно завоевывал сознание. Все-таки годы берут свое. Лет 10—15 назад он бы и не заметил пятичасовой скачки по родным пескам. А тут на тебе, грудой сполз с коня и запыхался, ровно именно он, а не поименованное благородное животное с юго-востока, нес ношу на собственной спине.

Едва не провалившись за границу сна, он ощутил знакомый холодок. Два раза в жизни пришлось ему испытывать это странное для южанина чувство. Первый раз – семнадцатилетним принцем, убегающим вместе со своим двадцатидвухлетним братом от восставших подданных, второй – двадцать лет назад будучи уже королем, вернее падишахом небольшой страны Курум-бахра.

– Салкандо, – резанул прямо по барабанным перепонкам промерзлый и раскатистый голос долгожданного гостя, – Ты прощен.

Лежавший горбун со всей возможной для своего старого и пораженного уродством тела вскочил и бухнулся на колени.

– Ты прощен за то, что твои лазутчики на севере не смогли выполнить мое задание.

– Мастер, это... разрешите спросить, почему, ведь я подвел вас. Я уже наказал своих людей и приготовился к каре...

– Напрасной, – невидимое под капюшоном лицо явно скривилось в улыбке, – Я не бросаюсь ценными *орудиями*, а ты *орудие* пока что еще пригодное, да и вложено в тебя... чуток, конечно, но большее тебе и не потянуть. Так вот. На вопрос я отвечу, почему бы и нет... Я встречался с этим самым бродягой. Его, кстати, зовут Канн Тин-Лардэнн и он последний из какого-то там эльфийского рода. Ну, это не важно. Я, признаться, Первороденных вообще не терплю. Так вот, этот самый смертный червяк может, при неудачных обстоятельствах, иметь Силу, может даже превосходящую мою.

Глаза горбуна распахнулись едва ли не на половину вытянувшегося лица, напоминающего сейчас ритуальную маску. Жалкий (для своего собеседника, разумеется) человечиска с затерянного где-то в глубине Пирамиды мирка просто не мог осознать, что это – могущество, большее чем у Мастера. Салкандо даже сейчас, через почти полвека помнил, как тот уничтожил полроты преследовавших его и брата Вишванту солдат, даже не посмотрев на них.

– Ч... что от меня требуется, Мастер?

– От тебя? Ты можешь силой мысли разрушать миры, рвать границы хаоса? Или мановением руки истреблять народы? Ну хоть сравнить с землей большой город ты можешь? Нет?! Так чем ты поможешь МНЕ?

– Всем, чем владею по вашей воле, мастер.

– Хм. Да. Ты мне можешь даже и пригодиться. Ха, как я не подумал, ведь даже Одиннадцать не могут почуять его из своей обители. И только Одиннадцать могут инициировать его. Да. Надо, следовательно, сделать так, чтобы им и в голову не пришло подойти поближе к этому захолустному мирку. А ты, смертный, собери войско. Бери всех, кто может клинок удержать, они все равно идут на убой, и займи работой мечи этого, как его, Дракмора. Покоришь, не покоришь – значение не имеет. Своих соседей и немного от севера ты отхватишь

в любом случае. Так, – Он пристально глянул на песок рядом с Салкандо, и там зажглось голубоватое сияние, внутри которого вертелись какие-то вихри, что-то мелькало. Миг, и из этой воронки вышло существо на три-четыре головы выше нормального человека или эльфа, о четырех руках, в коих монстр держал боевой молот, топор и щит. Мощное человеческое тело прищельца венчала бычья голова с продетым в нос толстенным золотым кольцом. Одеждой этому красавчику служили мягкие гетры, спускающаяся до половины ляжек набедренная повязка из шкуры явно крупной рептилии да пояс, на котором болтались метательные ножи, три широченнейших ятагана и палица.

– Урээаргркх, – проревело существо, – Аэrrrrrrrrркх.

– С ним довольно трудно общаться, но он все понимает, – словно оправдался Мастер, – Это Грруух, один из лучших моих мясников. Ни грана магии, но способен порвать виверу голыми когтями. Отныне и до моего приказа он в твоём распоряжении. Можешь не держать *кубаргахха* для последнего боя – его собраты трудно убиваются.

Салкандо склонился, едва не коснувшись лбом песка. Мастер исчез в снежном вихре, и горбун остался один на один с Грруухом.

– Ты, – он для верности сопровождал речь жестами и говорил медленно, – Иди... со мной... бежать можешь?

Бежал кубаргахх, открытый Мастером в каком-то неведомо далеком мире, даже быстрее лошади.

Быстрее ветра (что вообще проблематично для пожилого горбуна), Салкандо влетел в кабинет и бросил своему брату:

– Мастер приказал готовить поход на север.

И по стране пролетел приказ, зачитываемый глашатаями на всех площадях и перекрестках, всем, способным удержать в руке меч, явиться в столицу в течении недели. Избранная гвардия проверяла каждый двор, каждый сарай, не утаился ли там кто, «способный удержать меч». И ежели такие отыскивались, их в кандалах доставляли на сборный пункт. Еще немного поживи в мире и радости, Дракмор, чувствуя новую справедливую королеву, но потом тебе придется принять удар, который ты навряд ли выдержишь...

А в самом эльфийском королевстве никто и не подозревал, что на юго-западе куется острый клинок, который чуть позже вонзится в страну, будто нож в масло.

Недавно коронованная правительница принимала в тронном зале посла народа своих собратьев – *мэллориан* – лесных эльфов.

Перед тронном, в окружении телохранителей непреклонно, будто скала, стоял тонкий и бесспорно красивый эльф в зеленом камзоле, богато украшенном золотыми побрякушками. Тонкое запястье посла охватывал простой серебряный обруч с крупным изумрудом, отбрасывающим зеленоватые блики в свете тысячи свечей.

Канн, по своему обыкновению, стоял сразу за высеченным из драгоценного дерева с алмазковой инструкцией трона, готовясь в любой момент выхватить сабли и располосовать посланного Унголом Великим – царем лесных эльфов – наследника тамошнего престола.

– Наше великое царство признает вас, королева Найтари Эльфарран, законной владычицей Дракмора и предлагает союзный договор, – говорил между тем Линдрас, посол *мэллориан*

– От имени Дракмора, я принимаю договор и приглашаю вас остаться нашим гостем на любой срок.

– Принимаю приглашение, королева, – отвечал галантный эльф и приложил губы к руке Найтари, чем просто взбесил невидимого из-за трона ее телохранителя.

Официальный прием на том закончился. Молодая королева и ее высокий гость переместились в трапезный зал, а Канн отправился на арену. С недавних пор это стало его любимым времяпрепровождением – сражения с лучшими бойцами. Схватка боевым оружием помогала

отвлечься, концентрировала на текущем моменте и заставляла забыть о будущем, весьма безрадостном, с точки зрения молодого воина. Сейчас он ступил на песок огороженной площадки, где его уже ждали двое фехтовальщиков, только что сражавшиеся между собой. Но начать свои упражнения полуэльф не успел. Едва мягкий сапог коснулся песчаной арены, в глазах у королевского телохранителя потемнело, голова закружилась. Чтобы не упасть, он был вынужден схватиться за бортик. Ожидавшие командира эльфы из избранной роты подбежали к новоиспеченному нойонеру и бережно опустили его на землю.

– Не дышит, – один из них поднес начищенный до зеркального блеска наручень к губам своего командира, – Беги за лекарем, а я попробую что-нибудь сделать.

Второй эльф опрометью бросился во дворец, а первый прощупал пульс, осмотрел зрачок, потрогал голову.

– Нет, это не просто обморок. Это... транс, что за ерунда, ведь командир не обладает магическим даром.

А сознание Канна словно бы раздвоилось. Одна часть пребывала в беспмятстве, а другая устремилась куда-то ввысь, вырвалась за пределы зелено-голубой глобулы мира и повисла где-то в Междумирье.

– Ты убедился в моей правоте, смертный, – громыхнуло в его второй половине, – Убедился? Этот надменный гордец и выскочка, эльфий царевич, будет добиваться руки **твоей** Найтари. Его отец велел сыну присмотреться к новой королеве Дракмора и, возможно, заключить династический брак, который объединит обе ветви одной расы.

– Демон, – мысленно закричал Канн, – Сгинь и отпусти меня.

– Последний раз предлагаю тебе встать на мою сторону, смертный.

Черная фигура, напоминающая нечетко прочерченное облако нависла над крохотной сверкающей искрой во тьме Междумирья – над сознанием Канна Тин-Лаэрдинна, потомка мятежного рода. Еще немного и она должна была окутать слабый огонек, задавить своей мощью и темнотой, но окружающий кромешный мрак прорезали одиннадцать сполохов, будто прямых молний. Темное облако отшвырнуло далеко за пределы зрения части сознания смертного воина. Что происходило дальше, он не знал – искорка его сознания стремительно упала обратно в мир. Лежащее на песке тело дернулось, словно в судороге, глаза открылись.

– Нойонер, мы думали, с вами что-то случилось.

– Со мной действительно случилось, Иррис. Найди королеву.

– Нет необходимости, нойонер, королева гуляет где-то в саду с послем Линдрасом.

Канн поднялся и порыскал к саду, в надежде встретить парочку. И, как назло, на первой же дорожке нарвался на Найтари под руку с надменным эльфом.

– Королева, нам надо поговорить наедине, рявкнул бывший бродяга.

– Фи, Найтари, ты позволяешь своим подданным столь фамильярное обращение? Если бы кто-то из моих слуг так обратился ко мне, я бы отправил его в подземелье на недельку-другую.

Канн хотел было сказать, что царевичу неплохо было убираться в свой разлюбленный лес, подальше от Дракмора и от его королевы, но увидев просящие глаза Найтари, ограничился лишь сжигающим взглядом. Он собрался высказать то, зачем пришел, но не успел – задыхаясь мимо пронесся эльф с граничного дозора на взмыленной лошади. Сначала он проскакал мимо стоящей на садовой дорожке троицы, но потом, видимо узнав нойонера или королеву, повернул коня, спешил, едва не упав, и бухнулся на одно колено без всякой чисто эльфийской грациозности.

– Моя королева, мой нойонер, тревога! – выпалил гонец, – К юго-западным границам подходит большое войско. Через три-четыре дня оно достигнет перевала и сможет угрожать Дракмору. Человеческие земли разорены, в горах много беженцев. Некоторые из них направляются к перевалу и достигнут его через сутки.

– Беженцев пропускать беспрепятственно, пограничные дозоры в полную готовность. Снять половину войск с других направлений и перебросить на юго-запад. Канн, через час быть в совещательном зале вместе со всеми командирами. Пошлите кто-нибудь гонца к Оргону, он затеял учения где-то на востоке страны.

10

Совещательный зал представлял собой средних размеров комнату, все пространство которой занимал гигантский стол, за которым и разместились все воинские чины Дракмора и царевич Линдрас в качестве посла союзной державы. Докладывал Иррис, тот самый, который на арене пытался привести Канна в себя:

– ...Сейчас мы можем выставить не более пятнадцати сотен воинов. Причем ни человеческой тяжелой конницы, ни латников в данный момент под рукой нет. Не факт, что *нуернас* Оргон успеет привести своих вовремя, ведь мы даже не знаем точное место, где он сейчас находится. Еще двадцать-двадцать с половиной сотен рассредоточены по стране и заняты на восстановлении крупнейших городов и поселков. Есть, правда, надежда на то, что наберется достаточное количество беженцев, которые захотят и смогут сражаться под знаменем Дракмора, но я бы не слишком надеялся на это.

Повисло молчание. Все, собравшиеся в этом зале понимали, что полторы-две тысячи легковооруженных эльфов без поддержки тяжелой конницы и латников Оргона ничто против армии, легко разорившей окрестные земли.

– Общее положение понятно, – взял слово Канн, – Теперь стоит решить, что же делать. Я предлагаю отправить гонцов к нашим ближайшим северным соседям, чтоб они помогли кто чем может, ведь не факт, что разорив Дракмор, захватчики не пойдут дальше. Потом, царевич Линдрас, мы, вроде, заключили с вами союз, так? – царевич нервно дернул бровью, уже, видать, сам не радовался папиному решению, – Нам бы очень пригодилось расчетов 5—6 ваших лучников, которые, судя по молве, за пол-лиги в глаз орку бьют.

– Ну не за пол-лиги и не в глаз... До Великих Лесов еще добраться надо. Пока туда, пока со стрелками пехом обратно, лучники-то могут уже и не потребоваться.

Что по этому поводу захотел высказать нойонер Найтари, эльфийскому царевичу лучше было не знать.

Военный совет закончился тем, с чего и начался – нехорошим положением обороняющейся армии. Но гонцов все-таки отправили и начали укреплять единственный подход к стране: на окружающие дорогу скалы натащили каменных валунов, чтоб сбрасывать на головы врагам, посадили в башни усиленный гарнизон и пристреляли имеющиеся требушеты. Канна, ставшего в отсутствие Оргона единственным военачальником, не оставляла мысль, что Салкандо в паре с могущественным Темным придумают что-либо поэффективнее, а не будут гнать войска, и так потрепанные в битвах, прямо в ловушку, о которой они, условно, догадывались.

И вот наступил день, когда разведчики доложили о подходе столь ожидаемого последнее время противника. А вот отряды лесных эльфов и конница Оргона не успели.

...Передовые всадники салкандовской армады пересекли условный порог – из башен полетели стрелы, чуть спустя первый залп дали требушеты. Каменные ядра, облитые маслом и подожженные вызвали смятение в рядах войска и нанесли серьезные потери, много серьезнее, чем бесцельно отскакивающие от кольчуг стрелы.

– Тяжелых конников и пешцев, считай, не осталось, – доложил Иррис своему командиру. Тот и сам прекрасно все видел, но сделал вид, что временно ослеп, чтоб угодить ценному подчиненному.

– Сейчас у них начнется паника, все соберутся в кучу, тогда можно будет скидывать камни. Вот еще чуть-чуть... Толкай!

Небольшой отряд заработал ломами, разбивая установленные накануне подпорки, и огромные валуны, увлекая за собой более мелкие камни, обрушились вниз. Ущелье разом превратилось в кроваво-стально-каменную кашу. То там, то тут из-под каменных надгробий

торчали раздавленные руки, ноги, целые туловища, земля была залита кровью, но зато весь головной отряд был уничтожен. В живых осталась лишь жалкая горстка людей, отчаянно пытающаяся изловить опять таки чудом уцелевших лошадей и спастись бегством.

– Буксинщик, махни в башни, чтоб прекратили тратить ядра. Остальные – вниз, – командовал Канн и первый сиганул со скалы.

Десяток прирожденных убийц с отравленными клинками наголо свалились будто снег на голову удирающим солдатам. Бездоспешные, затянутые во все черное и с закрытыми лицами они устроили настоящую резню. Прежде чем кто-нибудь из отступающих успел не то что развернуться и защититься, а даже просто сообразить, что происходит, лавина их уже лежала мертвыми и умирающими в поистине нечеловеческих муках от действия покрывающего клинки яда, противоядия от которого не существовало. Остальные приняли единственное правильное решение – верховые дали шпоры, пешие бегом бросились под защиту своих змеей растянувшихся сил, на бегу сбрасывая тяжелые доспехи и побросав бесполезное вооружение.

– Арканы, – тонкие, но прочные веревки опрокинули десяток человек. Их тут же оглушили кого рукоятью по голове, а кого и ударом ладони в горло, обвязали веревками. Эльфийские воины спрятали клинки и полезли по отвесной скале вверх при помощи укрепленных на внутренней стороне ладони кошек, таща за собой на привязи пленных.

И тут словно пламенный ураган промчался по ущелью, выжигая все, что встречалось на пути и даже плава камень – это был слегка запоздалый ответ Салкандо, применившего свои магические способности, дарованные перстнем Темного. Один воин не удержался и сорвался прямо в клокочущую огнем бездну. Послышался одинокий вскрик, и чего-то родича или мужа не стало. Остальные девять убийц благополучно достигли верха.

– Пока размен в нашу пользу, – бросил Канн Иррису пока они отвязывали пленников, – Этих в повозки, сами по коням и ноги отсюда, сейчас они начнут стрелять из своих катапульта. Надо успеть уйти, пока они не начали попадать в цель.

Отчаянные головорезы скрылись, а вот во много раз большая армия атакующих устроила привал и долго не решалась пройти еще хотя бы полшага вперед. Офицерам Салкандо пришлось изрядно надорвать глотки и натрудить руки, умиряя нарастающий бунт...

– Мы выиграли первое сражение, моя королева, – Канн даже склонил голову, что делал только на официальных мероприятиях, – Но я боюсь, что в другой раз нам не дадут так просто перебить столько народа и приостановить продвижение армии. – Он вплотную подошел к юной правительнице и прошептал на ухо, – Надо использовать магию твоего медальона, иначе наши войска просто сожгут, если увидят.

Найтари, которую никто из придворных не смог уговорить остаться в столице, согласно кивнула, мол, информация принята, и пошла продолжать самолично проверять посты на ночь вокруг лагеря. Телохранитель сопровождал госпожу, ожидая ответа относительно магической атаки. Наконец она, не поворачивая головы, сказала:

– Я могу попробовать, но медальон еще не до конца мне подчиняется и может выкинуть какой-либо фокус, поэтому я должна быть одна.

– Но, Найтари, это безумие. Вдруг магия не сработает и ты окажешься одна против многочисленной толпы.

– Тогда придется взять с собой охрану. Тебя, например. Ты еще помнишь, что ты мой телохранитель?

– Да, моя госпожа. Я подберу еще людей. Самых лучших. Но перед вашей атакой мы преподнесем еще один сюрприз горбуну. Этой ночью.

11

Перед ущельем, на расстоянии трех полетов стрелы, расположилось лагерь на ночлег войско Салкандо. Горели сотни костров, равнину усеивали палатки, словно город раскинулся здесь в одночасье. Фляги шли по кругу, на вертелах жарилось целое стадо баранов – воины поминали павших товарищей. Только те, кому не повезло идти в караул этой ночью не принимали участие в общевойсковой попойке, коснувшейся даже самых ярых ревнителей дисциплины. Командующий войском Вишванта, брат горбуна Салкандо, пробовал навести порядок, но плюнул на эту затею и исчез в своем шатре. Не хватало только еще одного волнения в рядах, пусть уж лучше помянут товарищей.

Если бы часовые, отвечающие за подходы к лагерю со стороны ущелья не прикладывались к флягам и обращали внимания на местность, а не на разговоры меж собой, то заметили бы, быть может (хотя вряд ли), десятка три бесшумно скользящих по траве теней. Секунда и горе-сторож получил в глаз короткий дротик, шею второго захлестнула цепочка. Часовой захрипел и инстинктивно попытался разжать хват, но тот, кто держал это оружие рванул его на себя, и человек упал со сломанной шеей. Начальник караула вышел из кустов, куда отходил по нужде, и обнаружил два трупа своих подчиненных.

– Что за... – начал он, но договорить не успел – чья-то рука, затянутая в черную перчатку, закрыла ему рот, а в сердце, со стороны спины, вошел отравленный нож.

Канн мягко уложил тело начальника караула и подал знак своим продвигаться дальше. Тридцать призраков еле слышно прошебуршали по траве и вышли к лагерю, где три четверти людей уже спали мертвецким сном прямо перед кострами, а оставшаяся четверть пьяной походкой продвигалась к своим палаткам, шатаясь и спотыкаясь о товарищей. Иррис не смог сдержать возмущенного вздоха – ему, как бессменному тысячнику, видеть подобный разброд было не вмоготу.

Крадучись, лазутчики миновали еще один пост караульчиков, уложив мертвые тела в сторонке. Канн подал сигнал условными знаками вырезать всех без разбора, а сам исчез в ночи, продвигаясь к самому большому шатру, где, по его справедливым рассуждениям, жили начальники войска. Умело растворяясь в тени, полуэльф миновал стражу и подвыпивших гуляк, шатающихся по лагерю и добрался до генеральской ставки. Аккуратно проделал дырочку в ткани шатра и осмотрелся – все было спокойно. Тогда он кинжалом пропорол достаточное отверстие и протиснулся вовнутрь.

Ноги воина утопали в мягком ковре, скрывая и без того неразличимые шаги. Но вот из-за тонкой матерчатой стены донесся звук, похожий на завывание вьюги зимней ночью, и сразу за ним послышались голоса. Канн приткнулся к перегородке, предварительно погасив единственную свечу, скупо освещающую помещение, и положив поперек согнутых в приседе колен обнаженные сабли – на всякий случай.

– Мы потеряли очень много людей, Мастер, – это говорил, скорее всего, горбун, ибо с ним у притаившегося нойонера ассоциировался старчески дребезжащий баритон.

– Это не оправдание. Ты и твой брат имеете преимущество. В магии и в кубаргаххе, – Канн признал загадочного черного, едва не утопившего его. – завтра вы должны войти в страну и захватить ближайшие поселения.

– Мастер, – вступил третий – брат горбуна, – Позвольте узнать, добились ли вы успеха в вашем предприятии, о котором говорили Салкандо? Насчет этого полуэльфа, который, якобы, может стать сильнее вас.

Следом послышался крик, который явно слышал весь лагерь.

– Никогда, смертный, не смей осведомляться о моих делах. Я сам все скажу, если посчитаю, что это тебе нужно знать. Однако, давайте не будем о Канне Тин-Лаэрдинне, ибо он сейчас стоит за стеной и слушает наш разговор.

Канн аж похолодел и бросился к своей дырочке, но не успел – чья-то могучая рука захлестнула ему шею и сдавила так, что затрещали позвонки. Еще одна сдавила ладонь, дернувшуюся к оружию, две другие деловито отходили по боку. Какое-то явно очень сильное существо закинуло воина за спину и подняло на несколько футов. Комната сразу ярко осветилась магическим огнем, а потом кто-то зажег факелы и свечи.

– Опустит его, Груух, и разверни к нам лицом, – Груух подчинился.

Все трое: Салкандо, неизвестный тип в доспехах и с обнаженным мечом, явно брат горбуна, и черный стояли перед Канном в ряд. Он обернулся: его держало здоровое четырехрукое существо, обвешанное оружием.

– Смело, воин, смело, но безрассудно прийти сюда, – сказал черный из-под капюшона, – Я сомневаюсь, что ты прислушался к моим словам и встал на нашу сторону. А ведь ты, ты, а не эти два жалких червя, не могущих распорядиться своими силами, стал бы владыкой этой глухомани, которую вы зовете вашим миром.

– Мне это не интересно, нечисть.

Черный рассмеялся.

– Позволь представиться, а то не приятно получать от всяких клички. Я Владыка стихии Льда и Холода, служитель Первозданного Мрака и Предначальный. А зовут меня Лорд Элозар, – церемонно расшаркался он, а потом продолжил без всякого перехода, – Даю тебе последний шанс. И запомни, сейчас эльфийка не вытащит тебя из-под льда. Я опасался, что за тебя вступятся могущественные силы, силы, с которыми даже я не рискую сходить в открытом бою. Но они начхали на твой затерянный в Пирамиде мирок и занялись ключевыми мирами, где сейчас идут нешуточные бои.

– Ответь только на один вопрос, лорд Элозар. Что со мной? Я имею ввиду, почему я важен для тебя, что вы с Салкандо даже обсуждали меня?

– Щенок, – завопил горбун, но Владыка стихии жестом человека, отгоняющего назойливое насекомое, отбросил его к противоположной стене довольно большой комнаты.

– Не отвечу. Теперь ты. Давай, отвечай, смерть или владычество.

Незаметно Канн сумел достать нож, пока разговаривал с лордом, и теперь полоснул им по держащей его лапище и атаковал Элозара со всей доступной ему скоростью. Человек увидел бы только легкий взблеск и резкую тень и пал бы, пронзенный ножом. Но человеком владыка Льда и Холода никогда не был, поэтому легко остановил атаку, приморозив ноги полуэльфа к ковру.

– Хороший ножичек, – сказал он подойдя, – Вот только мне он никак не повредит. Вишванта или как там тебя, руби меня своим мечом. Руби, говорю.

Огромный двуручник мог бы рассечь быка пополам, но лорду он не причинил ни малейшего неудобства, словно пройдя сквозь тень, лишь порвав черный балахон.

– Итак, – произнес черный лорд, и в руке его возник испускающий смертельный холод шарик.

– Нет! – крикнул Канн.

Шарик в ту же секунду устремился к непокорному полуэльфу. Он мог бы увернуться, но ледяная корка крепко держала ноги, а на то, чтобы освободиться пришлось бы потратить столь драгоценное время. Нойонер, безнадежно любящий свою повелительницу закрыл глаза и прошептал имя, готовясь к смерти.

Минула секунда-другая, но он оставался жив. Простой смертный, за которым охотились поистине могучие силы, рискнул открыть глаза: ледяной мячик завис в полфутовом от его лица,

сдерживаемый призрачной тенью, держащей сложенные вместе пальцы в виде рожек. Еще десять таких же полупризрачных фигур стояли рядом, поддерживая товарища.

– Паладины, – рявкнул Элозар, – Я должен был догадаться, что Они не оставят этот мирок без охраны, но вы мне не помеха.

Может, Канну и показалось, но он увидел вместо закутанного в балахон лорда статного воина в латах, но без шлема с длинными серебряными от седины волосами, перехваченными тонким серебряным обручем, крючковатым носом, похожим на орлиный клюв и пустыми, но в то же время хищными глазами. Тени же, пришедшие на помощь в самый нужный момент, виделись ему одиннадцатью витязями, чьи доспехи золотила эмблема крылатого льва, продублированная на плащах цвета лазури.

– Беги, Лаэрдинн! – крикнул тот, что сдерживал снаряд.

Канн не заставил повторять дважды, хоть и стремился помочь неожиданным союзникам, однако он понимал, что такой противник, как Черный лорд, ему не по силам. Он проскользнул мимо словно оцепеневшего четырехрукого монстра и выскочил в ночную мглу, где его подчиненные устраивали форменную резню, не оставляя в живых никого из попавшихся воинов вражеской армии. Нойонер тихо присвистнул, командуя отход, и три десятка теней скользнули к конюшне, откуда вскоре вылетели верхом на сведенных лошадях. Только что избежавший гибели предводитель отряда оглянулся в последний раз на сотрясающуюся от мощнейших, в его понимании, заклятий палатку Салкандо и дал шпоры коню.

А если бы он мог видеть сквозь стены, то увидел бы, как мрачная фигура в балахоне играючи расшвыряла оппонентов и выхватила черный полоторный меч, увидел бы бой одного против одиннадцати на честной стали и отступление тех, кого называли Паладинами.

Интермеццо 5. Тьма сгущается

Где-то в пространстве, именуемом Пирамидой, где сосредоточены все миры Вселенной, есть небольшой островок, скрытый в самом мрачном и опасном углу междумирья. Там так же светит солнце, но его живительные лучи едва пробиваются сквозь кроваво-алый небосвод. Если кто-то рискнет расположиться на этом островке на привал, то будет немедленно убит травой, острой, как гномий клинок и такой же беспощадной ко всему живому, покрывающей мертвую землю. На островерхих скалах, с которых низвергается поток ядовитой кипящей воды стоит крепость. Ее башни смотрят ввысь с какой-то ненавистью и явной угрозой. Когда-то здесь хозяйничал целый сонм Предначальных Темных, воплощений чистого зла, но теперь в покоях крепости можно было встретить лишь троих. Один, завернувшийся в собственные крылья цвета ночи, как в плащ, стоял, прислонившись к камину, в котором весело похлал огонь и смотрел, как его два товарища, внешне не отличающиеся от обычных людей, играли в игру, похожую на земные шахматы, живыми фигурками.

– Элозар готов к завершающей части плана, – вымолвил крылатый, не отрывая взора от огня, – Однако возникло непредвиденное осложнение.

– Паладины спасли этого, эээ, Лаэрдinna. Я знаю, Азраил. Главное, чтобы Инквизиторы не смогли добраться до него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.